

АД ГОРОДСКОГО МАСШТАБА

В августе 1941-го немецкие войска взяли Гомель, где на то время проживало свыше 140 тысяч человек. В оперативном плане город включили в зону армейского тыла группы армий «Центр», поэтому гражданской администрации здесь не было. Вся власть принадлежала командованию охранной дивизии, армейским частям, военно-полевым и местным комендатурам. С первых же дней оккупанты принялись устанавливать жестокий, бесчеловечный по отношению к местному населению режим.

Узники гетто

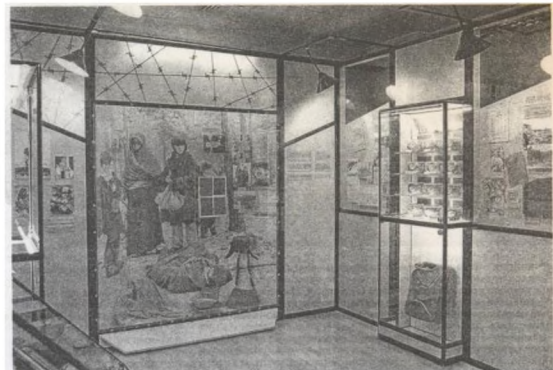
Первыми, кого это коснулось, стали представители еврейской национальности. Исторически они проживали в Гомеле большой диаспорой. Часть из них, уже будучи наслышанными о геноциде, успела эвакуироваться. Однако и тех, кто по различным причинам остался, было немало. Кто-то не мог уехать из-за преклонного возраста, по состоянию здоровья. Были и те, кто не верил в сущность гитлеровских фашистов. Мол, немцы — представители цивилизованной нации и не способны на приписываемые им зверства. Люди старшего поколения вспоминали немецкую оккупацию Гомеля, пережитую в 1918 году. Стоит отметить, она действительно была мягкой и в некотором смысле гуманной. Военные кайзеровской Германии не совершали массовых преступлений и даже, напротив, пресекали попытки еврейских погромов.

В 1941-м все было иначе. Ведь идеология нацизма зиждилась на том, что евреи, как, впрочем, и славяне, — неполноценные расы, а значит, по отношению к ним не действуют никакие нормы морали и

права.

С первых же дней новые власти определили «места компактного проживания евреев». Под таким термином маскировалось создание гетто. В Гомеле их было четыре: в поселке Монастырек, бывших казармах военного училища, домах на улице Быховской и на территории ветлечебницы в Новобелице. Евреям категорически запрещалось покидать огражденную территорию, а на одежде предписывалось носить желтые нашивки. Нарушение правил каралось расстрелом.

Впрочем, их соблюдение тоже не спасало. Из гетто людей гнали пешком или вывозили на грузовиках в несколько мест, где расстреливали и десятками сотнями закапывали в огромных ямах. К началу ноября более четырех тысяч узников гетто были уничтожены.

Одна из музейных экспозиций посвящена периоду гитлеровской оккупации Гомеля.

Конвейеры смерти

Заместитель директора Гомельского областного музея военной славы Константин Мищенко подводит к одной из экспозиций. За стеклами стендов — гре-бешки, оправы очков, сигаретные мундштуки, мелкие монеты, пряжки ремней. И куски смотанной проволоки — ею заключенным связывали руки. Все это — находки с

мест лагерей, созданных оккупантами в Гомеле.

Самый большой, пересыльный лагерь военнопленных Дулаг-121, появился в центре города уже в сентябре 1941-го. Выбор места был обусловлен удобством: в полутора километрах от него находился вокзал, куда прибывали эшелоны с пленными красноармейцами. Оттуда их пригоняли в лагерь и планомерно уничтожали.

Из архивных документов следует, что в лагере также содержалось гражданское население, родственники партизан, в том числе несовершеннолетние. По сути, Дулаг-121 функционировал как конвейер смерти с нечеловеческими условиями. В бараках, где содержались десятки тысяч пленных, не было нар, пола и окон. Ежесуточная смертность исчислялась сотнями человек. Многие, отчаявшись, совершали суициды или провоцировали расстрел. Другие умирали от голода, холода или болезней.

Местные подпольщики регулярно организовывали побеги. Однако спастись удавалось не многим. Заметив «недостачу» пленников, педантичные немцы пытались ее скрыть. Очевидно, чтобы отчитаться и не навлечь гнев начальства. В таких случаях на улице могли схватить первых попавшихся мужчин и бросить в лагерь, чтобы сошлось количество.

«С сентября 1941-го по 10 октября 1943-го в Дулаге-121 уничтожили свыше 100 тысяч человек. Часть из них хоронили прямо в лагере - в месте, где до этого находилось стрельбище»

— Одному из попавших

таким образом в лагерь горожан повезло, — Константин Мищенко рассказывает удивительную историю. — На руку сыграли опрятный вид и приличная, не как у других, гражданская одежда. Мужчина уверенно направился к воротам и просто прошел мимо охраны. Те решили, что это вольнонаемный, работающий в лагере на хозяйственной должности. Фактически человеку удалось сбежать из ада.

С сентября 1941-го по 10 октября 1943-го в Дулаге-121 уничтожили свыше 100 тысяч человек. Часть из них хоронили прямо в лагере — в месте, где до этого находилось стрельбище. Позже тела стали вывозить в противотанковый ров за городом. Уже после войны во время раскопок количество определяли примерно, рассчитывая по формуле, с учетом размеров и плотности захоронений. Идентифицировать кого-либо было невозможно.

Находки с места концлагерей — немые улики фактов геноцида.

В застенках гестапо

В оккупированном Гомеле активно действовали немецкие спецслужбы. Каждая работала по своим направлениям: разведка, контрразведка, фильтрация населения, борьба с подпольем, охрана мест принудительного

содержания. В конечном итоге все сводилось к уничтожению людей.

С особым рвением гитлеровцы охотились на семьи коммунистов, руководящих и партийных работников. Среди них оказалась семья Адама Губарева, сражавшегося в составе партизанского отряда. Его жену и детей забрали в гестаповскую тюрьму, рассчитывая использовать как приманку. О пережитом в застенках много лет спустя вспоминала одна из дочерей — Тамара Адамовна:

— Крики из камер доносились и днем и ночью, а прямо во дворе расстреливали людей. Нас допрашивали каждый день — били плетьюми так, что кровь во все стороны хлестала. Выспрашивали про отца, стремясь получить хоть какой-то ориентир о местонахождении партизанского отряда. В тюрьме мы настолько свыклись с мыслью о смерти, что, кажется, уже и не боялись...

На современной улице Плеханова находилась тайная полиция. В застенках этого учреждения было расстреляно около двух тысяч человек. Точное место их захоронения неизвестно. 26 сентября 1943 года, ровно за два месяца до освобождения Гомеля, гитлеровцы взорвали городскую тюрьму вместе с находившимися в ней узниками. Погибло более сотни человек.

Вспомнить всех

В вопросе о количестве жертв геноцида за период оккупации Гомеля по-прежнему остаются белые пятна. Хотя очевидно, что, не считая военнопленных Дулага-121, речь идет о десятках тысяч людей.

— Окончательный подсчет затруднен по ряду причин, — разъясняет Константин Мищенко. — Множество тел оккупанты, опасаясь инфекций, сжигали. Одна из печей находилась на кирпичном заводе, в

районе нынешней улицы Клермон-Ферран. Впоследствии там нашли стальную дверцу печи с надписью на немецком. Также использовались передвижные крематории на базе автомобилей.

Больше года ведутся раскопки на местах массовых захоронений в Ченковском лесу, расположенном в девяти километрах от Гомеля. Задействованы военнослужащие 52-го отдельного специализированного поискового батальона Минобороны. К настоящему времени они извлекли останки около 800 человек. Там же обнаружено место, в котором дислоцировалась расстрельно-похоронная команда. Найдены личные вещи немецких солдат. Очевидно, что поисковые работы и последующие перезахоронения останков здесь будут идти еще долго. Своей очереди дожидаются и другие места, в которых нацисты пытались спрятать следы преступлений. Расследование уголовного дела о геноциде белорусского народа продолжается.

Руслан ПРОЛЕСКОВСКИЙ

Пролесковский, Р. Ад городского масштаба: гетто, конвейер смерти, расстрельные ямы: какие преступления совершали нацисты в оккупированном Гомеле / Руслан Пролесковский // Рэспубліка. – 2022. – 17 лістапада (№ 220). – С. 13.

ИХ ГИБЕЛЬ НЕ БЫЛА БЕСЦЕЛЬНОЙ

За годы Великой Отечественной войны в плену у фашистов находились 5 734 528 бойцов и командиров Красной армии.

Мемориальная доска на площади Восстания в Гомеле

Катастрофа произошла в 1941 году: из-за промахов политического и военного руководства Советского Союза миллионы красноармейцев попали в фашистский плен.

Учитывая рассказы выживших военнопленных, а также поведенное в книге Константина Воробьева «Это мы, Господи!» об истязаниях, которым подвергались наши деды и прадеды, хочется обратиться к церкви: канонизируйте Солдата, замученного в фашистских застенках. Он принял страшную смерть, но не отрекся от веры своих отцов, не предал Родину. Прах воинов — на полях Германии, а также тех стран, где их считали рабами и безжалостно уничтожали.

В ГОМЕЛЬСКОМ «ДУЛАГЕ-121»

Известный советский разведчик и писатель Овидий Горчаков во время Великой Отечественной войны допрашивал офицера-власовца и читал его дневник. На всю жизнь писатель запомнил рассказ предателя об ужасах гомельского концлагеря. Описание первых беспощадных месяцев войны опубликовал в конце 1980-х.

Главный герой — командир, отличник боевой и политической подготовки, никак не мог понять, почему приходится отступать по пыльным дорогам из-под Бреста, если ему все время внушали, что враг будет разбит на его же территории. Под Мозырем отступление превратилось в бегство. А на рассвете 28 августа 1941 года под Василевичами остатки голодной и оборванной дивизии попали в немецкую засаду и были пленены. Партиями их отправляли в гомельский лагерь. Многотысячную колонну охраняли всего 80 пеших и конных солдат, один от другого на расстоянии 40 — 50 метров. Кроме того, с колонной двигались 8 пулеметчиков на 8 машинах с промежутками в 200 — 250 метров, но никто из пленных почему-то не убежал.

«Здесь около 30 — 40 тысяч пленных. Охраны не больше роты. Территория: метров 800 в длину и метров 500 в ширину. Вокруг — вал колючей проволоки, — так описывал гомельский лагерь офицер-власовец. — Неделю назад немцы окончили постройку пулеметных вышек через каждые 100 метров. За проволокой ходят часовые. Лагерь разбит на 16 секторов, или загонов, как их здесь называют».

Из исторической справки в книге «Память» следует, что лагерь военнопленных «Дулаг-121» был создан на территории завода «Двигатель революции» и месте дислокации нашей кавалерийской дивизии. Узники содержались в бывших конюшнях,

приспособленных под бараки. Их было семь. Посередине коридор.

Видимо, из-за боязни, что пленные будут пытаться бежать, немцы велели старшинам барачков чаще говорить о том, что невольников из оккупированных областей скоро распустят по домам. Приказали даже разобратся по областям. Кроме того, им разъяснили, что Сталин отказался подписать Конвенцию о пленных 1929 года и объявил сдачу в плен, даже тяжелораненых, изменой.

ИЗ ДНЕВНИКА ВОЕННОПЛЕННОГО

“Дают один раз в день поллитра баланды — ее называют здесь “зупом” — из неочищенной гречки, жмыхов и свеклы. В первые дни многие умирали в страшных муках, от запоров, от заворота кишок.

Бежать из лагеря трудно, но охотники все еще не перевелись. Каждое утро я вижу около двадцати трупов на проволоке или в проходах между рядами. Комендант ежедневно перегоняет пленных из одного сектора в другой. Чтобы не дать им возможности подготовиться к побегу.

В лагере все больше одичалых, озверелых людей. Один тип ходит с куском мяса в руках и бормочет: “Меняю на баланду или нитки”. Никто пока на обмен не соглашается — ходит слух, что мясо это человечье, а немцы за людоедство расстреливают. В лагере началась эпидемия сыпняка”.

Хронология сопротивления

Тем не менее сопротивление фашистам нарастало. Из-за колючей проволоки приходили сообщения, что в центре Гомеля какие-то люди взорвали офицерскую столовую, а также два цеха паровозовагоноремонтного завода, где немцы ремонтировали танки.

2 ноября 1941 года пятерка пленников командиров, работавших на вокзале, убила часового и скрылась. В

их секторе комендант отсчитал каждого сотого из узников и расстрелял перед строем.

26 декабря была расстреляна группа военнопленных, которые тайком распространяли в лагере листовки о разгроме немцев под Москвой. Выдал их такой же пленный: рассказал, что листовки их группа получала от гомельского подпольного обкома...

1 января 1942 года на колючей проволоке был обнаружен переводчик Энс. Предателя заманили в барак обещанием обменять золотые часы на булку хлеба. Там ему выдавили глаза, выбили зубы... Лагерное руководство продолжало глумиться над узниками, но они были непреклонны. Когда военнопленным приказали расстрелять пятнадцать евреев, никто не выстрелил. Тогда фашисты убили и тех и других. В зимний период от холода и недоедания смертность в лагере доходила до 1000 человек в день. Их закапывали в ближайших оврагах, в ямах на территории лагеря, возле элеватора, сжигали, а также вывозили за город в район деревни Красное Гомельского района, в противотанковый ров.

АНАТОМИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Многократно описана в художественной литературе. Стремление спасти свою кожу любой ценой, даже если это стоит жизни твоих товарищей, очень ярко подал Василь Быков в повести “Сотников”. Так же скатывался в предатели и узник гомельского лагеря: сначала согласился стать старшиной сектора, затем — писарем в штабе, помощником коменданта, офицером РОА (Русской освободительной армии). Ему же и была поручена секретная миссия — втереться в доверие к раненому советскому генералу. С этой целью его отвезли в немецкий лазарет в Гомеле, где в отдельной палате умирал командир разгромленного корпуса. В

ответ на приглашение сотрудничать генерал усмехнулся и сказал, что умирает от гангрены. Промахи начала войны он видел в ошибках Сталина: “Из-за них такой крах, из-за них нестойкий народ тысячами в плен идет, оружие бросает. Из-за них повернет против Сталина. Все эти полицаи, старосты... Немец наверняка воспользуется обидами, армию создаст из предателей. А толкнул их на это Сталин, Сталин!”

В числе главных причин катастрофы начала войны генерал считал террор против своих в мирное время, разорение деревни, о чем и сказал как на духу своему “благодетелю”: “И я виноват во всем был — верил, помогал, сажал... Каюсь и проклинаю. Но войну мы все равно выиграем — народ ее выиграет, только кровью изойдет...”

Пророческими оказались слова умирающего генерала: с разгромом немецко-фашистских войск была предрешена и участь армии генерала Власова, который был казнен со своим штабом по приговору военного трибунала.

КТО ПАЛ ГЕРОЕМ, НЕ ЗАБУДЕМ

Вспомним судьбы других генералов начала войны. Попав в окружение, командующий 63-м корпусом Леонид Петровский погиб вместе со своими солдатами в бою под Жлобином. Застрелился, только бы не быть плененным фашистами на Смоленщине, герой обороны Гомеля генерал Михаил Ефремов. Мученическую смерть в фашистском концлагере принял генерал Дмитрий Карбышев, попавший в плен под Могилевом. И только генерал Михаил Лукин, герой Смоленского сражения, вернулся из плена и был восстановлен в своих правах. ... В 90-е годы прошлого века я помогал печнику деду Макару переключивать печь в доме моей мамы.

В процессе неторопливой работы слушал его рассказ о мытарствах в фашистском плену от Смоленска до Мюнхена, где его освободили союзники. А выжил он благодаря ручной машинке для стрижки волос, которая была востребована среди заключенных. Эйфория освобождения сменилась советским фильтрационным лагерем. После всех запросов и проверок выяснилось, что боец мужественно сражался в армии генерала Михаила Лукина и не по своей воле попал в плен. Его вернули в армию, а других... напрямиком направили в сибирские лагеря. Каково им было после войны с клеймом плена? Они стороной обходили военкомат, не просили никаких льгот для себя, только бы их не трогали.

Дети и внуки погибших в плену солдат продолжают искать их следы и сегодня. “Гомельская праўда” несколько лет назад в публикации “Я не помню отца, я его вспомнить не умею...” рассказала о гомельчанине, ветеране органов внутренних дел и прокуратуры области Александре Луговском. Благодаря сыну и сайту “ОБД Мемориал” ему удалось установить достоверные сведения о гибели отца во вражеском плену. Прах Ивана Луговского покоится на суровом побережье в Норвегии с июля 1942 года, а в деревне Глыбов Речицкого района десятилетия родные считали его без вести пропавшим...

Во время службы в группе советских войск в Германии мне довелось побывать в музее концлагеря Заксенхаузен, где во время войны содержались высокопоставленные узники, в том числе сын Сталина — Яков, а также размещался центр по подготовке комендантов концлагерей. Там я прочел, что за 12 лет своего господства гитлеровцы согнали в концлагеря 18 миллионов человек, из них 11 миллионам не суждено было вернуться. Они были убиты голодом,

непосильным трудом, повешены, расстреляны, отравлены газом...

Вдумайтесь в эти цифры. Как напутствие для потомков звучат предсмертные слова одного из узников-антифашистов: “Смерть — явление естественное: все, что живет, должно умереть, но кто отдает свою жизнь за наше дело, в подвиг превращает он свою смерть. Прекрасна такая смерть при всей ее жестокости, ибо она не была бесцельной...”.

Виктор МОРОЗОВ

Морозов, В. Их гибель не была бесцельной / Виктор Морозов // Гомельская праўда. – 2019. – 16 лютага (№ 19). – С. 8-9.

ГОМЕЛЬ. ИСТОРИЯ ГЕНОЦИДА

«Немецко-фашистские захватчики за период оккупации Гомеля уничтожили до 140 000 советских граждан, в том числе до 30 000 местных жителей и не менее 100 000 советских военнопленных», – было отмечено в акте Гомельской городской комиссии ЧГК о преступлениях, совершённых немецкими оккупантами. Работал настоящий конвейер смерти. И это длилось два года и три месяца. В апреле 2021 года Генеральная прокуратура приняла решение о возбуждении уголовного дела по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. В нашем новом проекте «Гомель. История геноцида», основываясь на документах, предоставленных прокуратурой города Гомеля, мы расскажем, как это было.

Утоляли жажду, соскабливая иней

В сентябре 1941 года в окаймлении улиц Советской, Тельмана, Портовой командованием немецко-фашистских войск был организован лагерь для советских военнопленных, который назывался «Центральный пересыльный лагерь военнопленных № 121». Дулаг-121 просуществовал до 10 октября 1943 года.

– Этап военнопленных, с которым я прибыл из города Карачева в гомельский лагерь, состоял из эшелона товарных вагонов, – вспоминал бывший узник Бердичевский. – В каждом вагоне было 80–90 человек. Двое суток наглухо закрытые вагоны ни разу не открывались, ни разу не выдавалась пища и вода. Люди утоляли жажду, соскабливая иней, скопившийся на досках вагона от дыхания массы людей. По прибытии эшелона в Гомель пленным приказали выходить. Всех, кто не мог идти, немцы-конвойные тут же пристреливали из винтовок на глазах у

проходящей колонны. При перевозке погибло не менее 100 человек и было застрелено конвоирами до 200 человек.

– Мне лично приходилось видеть, что из каждого эшелона выгружали по несколько сот уже мёртвых пленных, – рассказывал гомельчанин Ливанский.

– Советские военнопленные врачи говорили, что из Брянска в ноябре 1941 года шёл эшелон с военнопленными в количестве 400–500 человек. Все они несколько дней были голодными, а в эшелоне им дали вместо хлеба немолотой гречихи, от которой у пленных образовались резкие боли желудка, и все они умерли. На железнодорожный вокзал Гомеля привозили тысячи военнопленных, многие из них погибли в пути.

Ели баланду с керосином

Лагерь был организован в конюшнях одного из кавалерийских полков, дислоцировавшегося до войны в Гомеле. В помещениях отсутствовали не только нары, но не было и потолка.

– В конюшнях находилось около 60 тысяч человек. Помещения были слишком переполнены. Конюшни не отапливались, без пола и окон, и люди валялись в грязи, – вспоминал бывший узник Шумский.

– Большая часть военнопленных находилась под открытым небом, поэтому с первыми холодами они начали замерзать. – В лагере царила антисанитария, – рассказывал узник Фирсов, – в баню не водили, белья не давали. Пленные ходили в почерневшем от грязи и полуистлевшем белье, на ногах – рваная обувь, а некоторые ходили босиком. Воды не получали ни для питья, ни для умывания. Вшивость от тесноты и грязи была общей... Очевидец немецких злодеяний Быковский рассказал следующее:

– В ноябре 1941 года напротив

аэродрома я видел сопровождаемую немцами колонну военнопленных, которые, будучи истощёнными и голодными, окружили машину с сырой капустой и разобрали её, чтобы покусать. Около машины упали от истощения и голода, придавленные толпой, человек 50 военнопленных, которых немцы из автоматов пристрелили. А вот что сообщал о питании военнопленный Прошин:

– В день выдавался суп «баланда» из отрубей и мёрзлой картошки, смешанной с керосином без соли. Хлеба совсем не давали. В результате голодания и нечеловеческих условий существования военнопленные совершенно теряли человеческий облик. Наступало психическое отупение, безразличие ко всему, кроме пищи. Всё подавляющий инстинкт голода превращал людей в человекообразных существ. Впечатление от этой продуманной фашистами системы планомерного уничтожения было тяжёлое.

– Доведённые палачами до состояния человекоподобных существ узники шли на всё ради сохранения своей жизни. Они употребляли в пищу мясо погибших соотечественников, – откровенно рассказывал военнопленный Якушев. – Я сам лично видел, как у мёртвых вырезали заднее место, варили в котле, а затем употребляли в пищу. Люди ели всё, что попадало под руку, и доходило дело до того, что они стали вырезать у трупов мягкие места и есть. Со временем немцы стали выдавать по 150–200 граммов эрзац-хлеба, выпеченного из ячменных отрубей, гречневой шелухи или желудей, но и это делали не каждый день. Во дворе Дулага-121. Так зимой 1941 года в лагере перемещали убитых военнопленных.

«Подождите, я ещё не скончался!»

Гомельский лагерь № 121 назывался центральным пересыльным. Палачи не ошиблись, он действительно являлся таковым, но единственным пунктом, куда пересылались из лагеря военнопленные, была могила.

– Созданный немецкими палачами режим привёл к тому, что ежедневно в лагере умирало до 1000 человек. В январе 1942 года смертность резко увеличилась. Умерших было так много, что из них стали образовываться горы трупов, – свидетельствовал военнопленный Пашкевич. Массовая смертность советских людей не удовлетворяла садистских страстей гитлеровцев.

– По двору ходили измученные и истощённые люди, – вспоминала гомельчанка Трестинская. – Бесчисленное количество трупов валялось под их ногами. Около забора фашисты закапывали в землю ещё живого пленного. Увидев это, я подбежала к немцам и, умоляя, начала просить: «Пан, он ещё живой, отдайте мне, я его заберу и дам ему поесть». Немецкий бандит ничего мне не ответил, а только нанёс удар прикладом в грудь так, что я после этого лежала три дня в постели.

– Зимой 1941 года по приказанию немецкого офицера пленные вытаскивали умерших товарищей на пустырь, – рассказывала заключённая Галимская. – В кучу умерших немец тащил одного военнопленного, который был ещё жив и кричал: «Подождите, я ещё не скончался!» Однако немец не обращал на это ни малейшего внимания и бросил живого в кучу трупов. Так как этот товарищ был совершенно бессилён, то выбраться из массы трупов не мог и так скончался.

– В лагере мёртвых пленных были целые скирды, и мы не успеваем их возить. Тех из военнопленных, которые не подавали признаков жизни, раздевали наголо и, хотя они ещё были

живы, вытаскивали из бараков и бросали на груды трупов. Немцы говорили, что «в таком состоянии они плотнее ложатся...» – вспоминал узник Ливанский.

На зависть инквизиторам

Инквизиторы средневековья могли бы позавидовать фашистскому опыту истребления и истязаний безвинных жертв.

– Многие из военнопленных были до такой степени истощены и измучены, что не в состоянии были выйти по естественным надобностям – оправлялись под себя. Как только об этом узнавали полицейские и немцы, «виновника» привязывали к столбу, а к лицу подвешивали банку с его испражнениями. Так он должен был простоять 12 часов, а иногда и больше. Причём полицейские наносили удары палкой, резиновой плёткой или же проволокой. Многие и без того потерявшие всякие силы не выдерживали и умирали, – делился свидетель немецких зверств Шумский. – Розен (комендант лагеря) избивал резиновой палкой и даже наносил ножевые ранения пленным лишь только за то, что они его не приветствовали. А от плохой пищи среди военнопленных началась эпидемия дизентерии. Придя в уборную, люди не могли оправиться и от боли в животе начинали кричать. Тогда немцы открывали огонь из пулемётов и убивали всех, находившихся в уборной. Я два раза лично ото видел.

Проклятые выродки человечества – фашистские палачи – издевались не только над живыми советскими гражданами, они глумились и над их трупами.

– Трупы военнопленных сбрасывались в ров позади тюрьмы на территории лагеря, – рассказывал пострадавший от рук фашистов Голышенко. – Человеческие

испражнения из уборных вывозились в тот же ров и выливались на тела замученных.

А вот что сообщал свидетель фашистских зверств Шумский:

– Немецкий офицер с русским комендантом лагеря Кардаковым увидели, что один из военнопленных оправился около забора. Выполняя волю коменданта, полицейский до пояса раздел несчастного, привязал его к столбу и начал избивать палкой. Я насчитал 35 ударов, которые полицейский нанёс по обнажённому телу человека. Измученный повис на поясе, которым был привязан к столбу. Этого военнопленного забили до смерти... Таковы были ужасы немецкого плена. Редким счастливым удалось пройти до конца через фашистский лабиринт смерти и сохранить жизнь...

Марафон смерти

Продолжительность рабочего дня в гомельском лагере для советских военнопленных Дулаг-121 составляла от 12 до 15 часов. Бойцов и командиров РККА использовали не только на погрузке боеприпасов, рытье противотанковых рвов, их впрягали по 10-15 человек в повозки, чтобы перевозить кирпич и дрова.

– Многие не выдерживали и падали, не в состоянии двигаться дальше. Таких людей немецкие конвоиры убивали на месте. Были случаи, когда из колонны идущих к месту работ немцы убивали по 15-20 человек, – вспоминал бывший узник Якушев.

Гитлеровские палачи отбирали физически крепких советских граждан и отправляли на тяжёлые работы в Германию. Для этого они устраивали смертельный «марафон».

– В начале декабря 1941 года из лагеря выпускали русских военнопленных и заставляли бежать по улице Тельмана через Советскую до

Кирова. Более 200 слабых и истощённых голодом человек упали. Всех их немцы пристреливали в голову, – рассказывал бывший узник Быковский.

Истязая и мучая голодом военнопленных, фашистские головорезы запрещали гражданскому населению оказывать своим несчастным братьям какую-либо помощь.

– Получивших еду узников немцы избивали прикладами и палками. Били и мирных жителей, передававших продукты, – вспоминала гомельчанка Крупник. – Один раз пленные красноармейцы из лагеря перекинули бумажку, прикреплённую к камню. Женщина, поднявшая её, была расстреляна на месте.

– Придя к воротам лагеря, я увидела, как немецкие солдаты вели раненого советского командира, – рассказывала горожанка Евдокия Корнеевич. – Когда он упал, фашисты избивали его прикладами так, что он не смог подняться. Пленника бросили на повозку и повезли. Стоявшая неподалёку старушка подошла к повозке и хотела передать офицеру яблоко и кусочек хлеба. Тот с жадностью протянул руку, но гитлеровец сильно ударил его по руке прикладом и грубо оттолкнул старушку.

Печи «спортивного» лагеря

Около 75 тысяч военнопленных (трупы лежали в пять–шесть рядов) фашисты захоронили во рву бывшего тира, располагавшегося на территории лагеря. Его длина составляла 125 метров, ширина 25 при средней глубине три метра. Советские военнопленные сбрасывают трупы в ров бывшего тира, располагавшегося на территории лагеря Дулаг-121. 1941–1943 годы. Закапывали замученных людей также в специальных ямах, образовавшихся после взрыва грунта (также на

территории лагеря). От 18 до 20 тысяч человек было погребено в 142-метровом противотанковом рву, находящемся около клинкерного завода (этот ров сейчас пересекает улицу Троллейбусную и проходит под Братской могилой советских воинов и военнопленных). Массово хоронили замученных людей и в 35-метровом противотанковом рву на 201-м километре железнодорожной линии Гомель-Жлобин и в ямах около элеватора.

– Первое время немецкое командование никакой пищи военнопленным не давало, вследствие чего ежедневно умирало с голоду 800-900 человек, – вспоминала гомельчанка Евдокия Котова. – Каждое утро выезжали по несколько десятков подвод с мёртвыми телами. Их нагужали как дрова, один на одного, и накрывали брезентом. Часто из-под брезента виднелись отдельные части человеческих тел. В связи с тем, что смертность военнопленных не сокращалась, трупы стали вывозить на автомашинах на 9-й километр Новобелицы.

– В январе 1942 года умерших было так много, что из них стали образовываться горы трупов, – делился выживший узник Якушев. – Когда вся площадь около лагеря была изрыта ямами, немцы стали сжигать трупы в четырёх печах, которые были установлены за лагерем на территории клинкерного завода. Они работали круглые сутки.

Одна такая печь была рассчитана на уничтожение 25 тысяч человек. Рядом с печами, обнаруженными в 1970-м году, была найдена чугунная вывеска с орлом, свастикой и словами из готических букв на немецком языке, которые в переводе значили «спортивно-трудовой оздоровительный лагерь».

Благотворительность по-фашистски

– Немецко-фашистские изверги, играя на патриотических чувствах советского населения, готового последними запасами пищи поделиться с военнопленными, издали воззвание к населению Гомеля и окружающих деревень с призывом помогать узникам, – рассказывала гомельчанка Евдокия Корнеевич. – Советские граждане на него откликнулись и начали собирать продукты и одежду. Но впоследствии выяснилось, что продукты и одежда были поделены между немецкими солдатами. А в августе 1942 года я видела проходившую по Ветреной улице (ныне Гагарина) тёмно-серую грузовую автомашину с закрытым кузовом. Я спросила у проходившего мимо гражданина, что ото за автомобиль. Он мне ответил, что в этом грузовике людей отравляют газами.

Очевидцы вспоминали и то, как в январе 1942 года в Гомель прибыл железнодорожный эшелон из Брянска с советскими военнопленными. Их высадили на сортировочной станции, а оттуда этапом сопровождали в лагерь. Всего было около 500-600 человек. По дороге в Дулаг-121 шесть узников отошли от общей колонны на два метра. В этот момент к ним подбежали два немца и стали их избивать. Когда пленные упали на землю, немцы разбили им прикладами черепа так, что наружу вышли мозги. На месте жестокой расправы тела убитых пролежали четыре дня.

Это место не «гут»

– Закоченевшие в сидячем положении, с согнутыми в локтях руками трупы пленных из машин сбрасывали вилами в противотанковый ров по правую сторону шоссе на дороге около кирпичного завода, – вспоминал

обходчик железной дороги Павел Ливанский, который проживал в сторожевой будке на 201-м километре железной дороги Гомель-Жлобин (ныне там на пересечении улиц Советская и Ефремова находится Братская могила советских военнопленных и мирных жителей). – В беспорядочном положении замученные люди лежали семь дней, не прикрытые землёй. Над ними ежедневно кружились стаи ворон, выклевывая глаза и все поддающиеся клюву части тел, которые растаскивали и бродячие собаки. После того как, со слов немцев, было привезено 2500 трупов, ров был немного засыпан землёй, но тела мёртвых были видны и оставались в таком состоянии, пока их не засыпало снегом. И лишь в мае 1942 года ров зарыли.

Случалось, в момент сбрасывания трупов в ров на перекладном мосту через линию железной дороги собирались мирные граждане.

– Немцы открывали огонь из винтовок и разгоняли плачущих женщин, стариков и детей, которые всматривались в трупы, ища родных и знакомых, – вспоминал Павел Ливанский. – Один из немцев зашёл ко мне в дом и рассказал, что это место не «гут», здесь много гражданских, которые всё видят и не дают спокойно работать. Поэтому трупы будут возить в другое место, где никто ничего не увидит. «Экскурсия» для палачей. Далее обходчик железнодорожных путей вспоминал, как с ноября 1941-го по апрель 1942 года немецкие офицеры и солдаты целыми толпами собирались у рва, где сваливали трупы пленных, поднимали смех и ради продления своего удовольствия фотографировали изуродованных побоями, истощённых и измученных невыносимыми для человека условиями лагерной жизни тела советских военнопленных. – Такие «экскурсии» немцев к месту свалки трупов были почти ежедневно, как

только в город прибывали новые военные части, – приводились слова Павла Ливанского в протоколе допроса. – Когда к маю 1942 года трупы начали разлагаться и распространять невыносимую вонь, немцы для их зарывания выгоняли мирных советских граждан, но так как они разбегались, не вынося запаха и жуткого зрелища, немцы под конвоем пригоняли военнопленных, которые зарывали ров с трупами до конца июля 1942 года. А так как земля оседала, приходилось подсыпать её несколько раз.

Расстреливали с 8 утра до 4 вечера

Фашистские людоеды организовали в разных частях Гомеля четыре гетто, куда силой оружия согнали граждан еврейской национальности: стариков, женщин, детей. О том, как это происходило, рассказал на допросе бывший полицейский Василий Адаменко:

- Летом 1942 года в общежитии полицейских по улице Песковатой (ныне Белорусской) мы играли в карты. В разговоре Буздык сказал: «Ты, Адаменко, ещё молодой полицейский и ничего не знаешь. Осенью 1941 года мы всех евреев забрали в город». После этого Буздык, Гулевич и другие начали подробно рассказывать, как они арестовывали и свозили в Монастырёк всех граждан еврейской национальности. «Доброа-то сколько было у нас, - говорил Буздык, - и всё мы поделили между собой. Слободской взял корову и велосипед, нам тоже досталось много "барахла"». А Гулевич сказал: «Я, кроме всякого "барахла", захватил себе велосипед и хорошие сапоги». Увлёкшись разговором, Буздык даже начал показывать, как он избивал палкой одну еврейку, которая была беременной и медленно шла в колонне, сопровождаемой ими в тюрьму. Буздык

выкрикивал: «Она просится. А я её палкой, палкой!» В конце разговора Буздык и Гулевич хвастались, что они всех евреев вывозили за город и расстреливали у большого рва.

По вопросу расстрела заключённых в гетто очевидец Степанов показал:

- Числа 3 или 4 ноября 1941 года лиц, находящихся в лагерях в Монастырьке (ныне Залинейный район) и по Новолюбенской улице немцы насильно загоняли в большие крытые машины по 40 и более человек, отвозили в Лещинец в противотанковый ров, проходящий по территории машинно-тракторной станции, и там производили расстрел. Я видел, как подъезжали ко рву машины, из которых выбрасывали людей и расстреливали. Расстрелы начались в 8 часов утра и были закончены только в 4 часа вечера. Всего было расстреляно в этот день около 2500 человек.

А это значит, что каждые 10 секунд убивали одного человека. 312 человек в час... И так на протяжении восьми часов.

Смертельный Монастырёк

Один из сообщников немецких преступников Потапенко на следствии показал:

- В гетто на Новолюбенской, Быховской улицах и Монастырьке содержалось около четырёх тысяч евреев (все они впоследствии погибли). У каждого на груди и спине были нашиты жёлтые квадраты, и за черту лагеря под угрозой расстрела им выходить запрещалось. За время содержания арестованных в лагерях им никаких продуктов не доставлялось. Целые группы умирали с голоду. Некоторых мужчин использовали на работе по очистке улиц, но относились к ним зверски: их избивали без каких-либо на это причин...

Четвёртое гетто было создано в

Новобелице, но просуществовало оно недолго, и уже в сентябре 1941 года 200 его узников было переведено в Монастырёк.

В Монастырке, обнесённом колючей проволокой, людей держали на морозе под открытым небом, морили голодом, пытавшихся просить или добыть пищу расстреливали, а лиц, передававших еду заключённым, самих отправляли в лагерь.

Над евреями издевались немецкие солдаты, которые устраивали «экскурсии» в гетто для ограбления несчастных людей. Они громили городские квартиры евреев, а их имущество забирали себе.

Помимо евреев, семей коммунистов, людей, заподозренных в связях с партизанами, во время расстрелов были уничтожены целые цыганские таборы.

- Я был очевидцем того, как масса советских граждан была погребена в различных ямах и противотанковых рвах, - вспоминал горожанин Степанов. - Людей раздевали донага, заставляли ложиться на дно ямы и расстреливали из пулемётов и автоматов. Если оставались тяжело раненные, их заживо погребали, засыпая землёй. С наступлением зимы я видел такую яму в окрестностях Новобелицы. Перед моим взором открылась следующая картина. Снег уже почти стаял, но частично прикрывал дно этой ужасной ямы, где из-под него виднелись руки, ноги, спины, размозжённые головы мёртвых мужчин.

С черепами на пилотках

Многих мирных граждан, среди которых были и евреи, по словам местных жителей, уничтожили возле деревни Давыдовка. Гомельчанка Мария Праведная рассказывала:

- Были случаи, когда привозили из тюрьмы на расстрел матерей с маленькими детьми из

еврейского населения. Маленьких детей бросали в ямы прямо живыми и закапывали. Место расстрела гомельчан было в небольшом лесу около деревни Давыдовка, а также в 3-4 километрах от Гомеля по шоссе на Речицу. Здесь людей хоронили в 250-300 метрах справа от дороги. Эти ямы с расстрелянными я хорошо знаю, так как мне приходилось ходить этой дорогой и видеть свежие насыпи земли. Трупы зарывали совсем неглубоко, в связи с чем весной и летом 1943 года был большой запах.

Немецкие офицеры ждали приезда генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича, который прибыл в оккупированный Гомель для оценки ситуации 8 сентября 1941 года.

А вот что вспоминал гомельчанин Иван Нечаев о репрессиях еврейского населения, которыми занималась главным образом Служба безопасности (СД), размещавшаяся на Столярной улице, 57:

- На опушке Давыдовского леса мне пришлось быть очевидцем ужасной сцены. Я ехал на велосипеде. Вдруг навстречу мне пронеслось две легковые автомашины, которые остановились недалеко на опушке леса. Из них вышло несколько вооружённых автоматами и пистолетами немцев, как я определил, сотрудники СД (имели чёрные воротники на военных мундирах, а на пилотках - знаки черепа с перекрещёнными костями. Большинство из них были в чинах офицеров). Затем следовало три грузовых автомашины и ещё одна

легковая. Из грузовых автомашин выпрыгнули полицаи и сотрудники СД из числа советских граждан. Среди них я различил полицейского Власова и сотрудника СД Виктора Шмигера. Предчувствуя что-то недоброе, я слез с велосипеда и пошёл мимо автомашин пешком. Шлигер махнул мне рукой. Я посчитал, что он подзывает меня к себе, и хотел было подойти. Но вдруг увидел дуло наставленного на меня автомата и дикий окрик немца, чтобы я убирался восвояси.

Я сел на велосипед и поехал, но невольно обернулся, услышав душераздирающие вопли женщин и детей, которых выволакивали из первой автомашины. Я увидел женщину лет 40-45, вероятно, её дочь - девушку лет 20 и двух детишек, вероятно, детей этой женщины, и ещё целый ряд людей, которых мне не удалось различить. Они падали, целовали немецкие сапоги и просили о пощаде. Но раздавшиеся вскоре очереди автоматов и винтовочные залпы окончили страдания несчастных. У меня невольно навернулись на глазах слёзы, и подступило к горлу. Старушки, которых я встретил по пути, рассказали, что подобные картины происходят здесь ежедневно. Вскоре меня обогнал караван автомашин, в которых сидели пьяные, довольные собой немецкие палачи и русские полицейские, сделавшие своё кровавое дело.

Из СД евреев увозили на закрытых автомашинах также к противотанковому рву недалеко от деревни Красное. Погибших от рук палачей сбрасывали и в противотанковый ров, и на 9-м километре по шоссе Гомель-Чернигов за Новобелицей и закапывали в районе завода торгового оборудования на нынешней улице Барыкина. Кроме того, часть гомельских евреев погибла в городской тюрьме и, вероятнее всего, в лагере на торфоразработках возле рабочего посёлка Большевик. Поэтому

общее число погибших евреев Гомеля равняется или даже превышает цифру 10 тысяч человек.

Останки погибших граждан обнаружили 19 ноября 1958 года в районе Лещинца.

Кровавые следы

А вот какой впечатляющей историей горожанин Иван Нечаев завершает свои воспоминания о событиях 80-летней давности:

- Летом 1942 года через Гомель немцы погнали на фронт тысячи евреев-иностранцев, которых использовали для разминирования минных полей. Они остановились в домах напротив средней школы № 2 Гомельского отделения Белорусской железной дороги (ныне СШ № 28). Здесь мне лично пришлось наблюдать такую картину: один еврей-иностранец чем-то провинился перед немцами. И этот несчастный был подвешен за руки к потолку дома, где оставался висеть часа два кряду, а немец, который командовал этой сценой, бил его палкой и что-то кричал ему, смеясь от удовольствия. Остальных евреев он заставил смотреть на эту сцену, причём бил и их палкой. Несчастный лишился сознания, его сняли с крючка, облили водой, а когда он пришёл в себя, подвесили снова. Можно угадать, что случилось с каждым из них - они все погибли от подлых немецких убийц. Подтверждением этого может служить факт продажи поношенных костюмов иностранного покроя на рынке в Гомеле.

Немцы отправили иностранных евреев на тот свет, возможно, преследуя лишь одну мысль о наживе и грабеже.

Кровавые следы фашистских псов будут долго напоминать о себе как о бедствии, принесённом в нашу мирную советскую страну кровавыми гадами. Смерть фашистским убийцам! - эмоциональным призывом подытоживает рассказ Иван Кондратьевич.

В кровавых стенах

Многотысячный коллектив рабочих крупнейшего в области паровозагоноремонтного завода (ПВРЗ) был большей частью вместе с оборудованием эвакуирован из Гомеля в тыл страны. Не успевшим покинуть город рабочим пришлось изведать все «прелести» гитлеровского нового порядка.

- Фашисты организовали на заводе ремонтную базу, установили 12-часовой рабочий день, - свидетельствовал Михаил Балюк. - Кормили рабочих один раз в сутки. Обед состоял из тарелки супа, сваренного из разных трав, в котором систематически обнаруживались черви. Хлеб, который выпекался из гречневых высевок и отрубей, выдавали по 100-150 граммов.

Для подавления создавшегося среди трудящихся недовольства фашисты из карательного органа СД (службы безопасности) занялись избиением и арестами рабочих, возмущённых новыми порядками и так называемых подозрительных, к которым мог быть причислен любой человек. Среди таких оказался и рабочий Балюк:

- В марте 1942 года в момент налёта нашей авиации на Гомель я получил осколочное ранение и был помещён в больницу на излечение. В июне 1942 года меня из больницы выписали, но моя нога находилась ещё в гипсе и приходилось передвигаться при помощи двух костылей. Я пришёл

на завод, чтобы получить расчёт. В проходной меня встретил совершенно случайно шеф гомельского ПВРЗ по фамилии Рау. Не говоря ни слова, он набросился на меня и стал избивать, нанося удары кулаками, а затем выбросил меня за дверь.

А вот что рассказывала Буянозская, которая работала на заводе уборщицей:

- Летом 1942 года немцами была загнана группа трудящихся в количестве десяти человек в коридор конторы завода. Закрыв двери комнат, в которых находились служащие, немцы начали избивать рабочих. Крики были слышны по всему зданию. После каждого истязания немецкими палачами рабочих все стены комнат, коридора, конторы ПВРЗ были окровавлены, а на полу стояли целые лужи крови.

- Я лично видел, когда немецкие палачи грузили избитых рабочих, то они были все окровавленные, платье на них было изорвано, некоторые кричали о помощи, а кто-то издавал тихие стоны. Такие случаи я видел пять-шесть раз, - делился Михаил Балюк.

- На грузовой автомашине лежали сильно избитые и окровавленные рабочие, а в легковой сидел один мужчина, про которого говорили, что он предатель, - рассказывала гомельчанка Мария Боровикова.

На расстрел в цепях

Не насытившись одиночными и групповыми арестами и истязаниями рабочих, немецко-фашистские мерзавцы организовали на заводе провокацию, посредством которой арестовали всю ночную смену - 200 человек. С помощью провокатора СД 5 февраля 1943 года была произведена запись желающих оказать помощь партизанам и Красной армии. Желающих нашлось много, записалось около 200 человек. Все они и были 7 февраля 1942 года арестованы

и отправлены в тюрьму, располагавшуюся по улице Советской, 73, где подверглись чудовищным пыткам.

- 10 февраля я была около тюрьмы, справлялась о муже, который состоял в антифашистской группе по оказанию помощи партизанам, - вспоминала Ефросинья Кондратьева. - Стоявший у ворот немец мне грубо крикнул: «Пули не жалко, расстрел будет рабочим ПВРЗ». Около тюрьмы я встретила своего знакомого Александра Зайцева. Он работал в тюремном санпропускнике. Он помог мне увидеть мужа. Через щель в каменной стене своими глазами видела ужасы зверств немцев, чинимых над рабочими ПВРЗ. В предбаннике мылись девять рабочих. Мой муж - Кондратьев, Пивоваров, Бетанов и другие. Трудно было определить и распознать людей, это было что-то напоминающее куски мяса. Я видела на спинах оторванные полосы кожи, всё было залито кровью. Лица рабочих были исколоты как будто иглой и все в царапинах. От боли люди не могли смыть с себя кровь. Рабочий Пивоваров успел мне сказать, что их били плетью из бычьей кожи. Каждому досталось по 70 ударов.

22 февраля 1943 года Ефросинья Кондратьева подошла к тюрьме и увидела, как подъехали пять крытых автомашин и одна открытая пятитонка.

- В ней были рабочие ПВРЗ, все скованные цепями, - описывала детали Ефросинья Тимофеевна.

- Рабочий Бетанов сумел бросить записку, где был указан его адрес и что он погиб. Другие бросали шарфы, шапки, кто-то кричал: «Прощайте, люди, расстрел».

- Мой брат Ковалёв бросил записку, в которой было написано «Ковалёв Иван погиб», - вспоминала гомельчанка Мария Меркулова. - Ещё кто-то бросил мокрый от слёз носовой платок, Поляков бросил шарф, который тоже был мокрый. Сименков кричал

жене: «Прощай, больше не увидимся. Смотри ребёнка». Люди плакали. Стражник у тюрьмы говорил, что за два дня нужно разгрузить тюрьму, а потому всех везут на расстрел.

Жить осталось один час

Когда машины были полностью нагружены, то арестованных со двора тюрьмы вывезли. Легковые машины шли - одна впереди, а другая сзади. На этих машинах сидела охрана с автоматами.

- Вместе с арестованными в грузовых автомашинах также находились с автоматами полицаи и по одному немцу, - делилась увиденным Ефросинья Кондратьева. - Тут же в открытой грузовой машине я увидела среди арестованных своего мужа. Он тоже заметил меня и крикнул: «Везут на расстрел, жить осталось один час». Кроме того, я заметила, как мой муж и другие арестованные пытались поднять руки, чтобы в последний раз отдать приветствие, но их руки выше плеча не поднимались. Из чего можно было заключить, что все арестованные были связаны. Я также видела, как охранявшие немцы и полицаи наносили удары прикладами арестованным, которые делали попытки заговорить с кем-либо или принять передачу от родственников. Разгонявшие толпу граждан возле тюрьмы полицаи стали бить людей прикладами, слышались выстрелы. Всё это зрелище было ужасным и окончилось после того, как автомашины с арестованными скрылись из виду.

Машины от тюрьмы поехали по направлению к деревне Давыдовка. В этот же день родственники рабочих по слухам узнавали, где расстреляли людей.

- На следующий день я, Кондратьева и Полякова недалеко от Лещинца в Назаровском лесу стали искать место, где расстреляны наши

мужья и брата, - рассказывала Мария Меркулова. - Лесник нам указал самую свежую могилу - яму - и сказал, что здесь вчера производились расстрелы. Мы легко смогли открыть яму, потому что всего четверть метра земли было на трупах. Мы увидели много людей, сверху лицом вниз лежал голый мужчина. Больше мы на погибших не смотрели и прикопали отмеченную яму. Раскапывать дальше не могли, побоялись немцев. В лесу было много таких ям. Мы видели 12. Обнаружить было легко, потому что земля осела и образовались впадины, да притом ямы готовились взрывами, потому они были хорошо видны.

Снова родственницы погибших побывали на месте расстрела своих мужей, отцов и братьев уже весной.

- 26 апреля 1944 года я, Кондратьева и Слеменкова подошли к намеченной раньше яме, - вспоминала Мария Меркулова. - Разрыть было легко. Увидели много трупов. Я нашла носок своего брата. Судя по трупам, мы сделали заключение - в яме рабочие ПВРЗ.

Основываясь на свидетельских показаниях очевидцев и раскопках могил, где находились жертвы массовых расстрелов, следственная комиссия установила, что немецкими палачами за период оккупации Гомеля было расстреляно до 300 рабочих ПВРЗ. Кроме того, шеф завода, доктор Мюллер, стал организатором взрыва завода перед отходом немцев из города под натиском частей Красной армии в 1943 году.

«Оздоровительный» лагерь

Своим расследованием преступлений фашистов поделился член правления общества Кирилл Туровского Александр Павловский:

- В 1970 году при возведении здания детского сада по улице Советской, 123А строители вырыли

котлован, благодаря чему из-под земли были извлечены четыре печи.

90 градусов, а носилки достаточно резко выбросило на полтора метра. В силу возраста я тогда не понимал, что передо мной печь крематория, в которой сжигали советских граждан.

Похожую печь использовали в крематории Клинкерного завода

Обнаружил Александр Павловский вместе с одноклассниками и место хранения фашистами маслянистой жидкости «напалмового воздействия» в подвале пристройки к главному зданию клинкерного завода.

- Сейчас на фундаменте этого здания стоит бывшее общежитие Гомельского аэропорта по улице Чонгарской дивизии, дом 6А, - рассказывает Александр Павловский. - Один из старшеклассников вылил жидкость на стену и поджёг.

Горела так, что невозможно было потушить. А мой одноклассник Витя Захаренко обжёг этой жидкостью руку, да так, что хирурги смогли

восстановить только несколько пальцев. Он ими потом всю жизнь электроды держал, работая сварщиком на Электроаппаратуре.

Наличие большого количества жидкости в подвале навела Павловского на мысль о том, что потребность в ней была значительной. Что косвенно говорит о больших масштабах работы по сжиганию трупов.

- Подвал размером примерно четыре на семь метров фашисты перед отступлением залили этой горючей жидкостью, а затем взорвали. Перекрытие обрушилось, и бетонно-кирпичный бой упал в жидкость, потушил смесь или не дал ей загореться.

В таком состоянии подвал дошёл до 1971 года. В самом подвале юный Саша с друзьями нашёл чугунную вывеску концлагеря с изображением орла со свастикой.

- Под всем этим художеством была надпись из узких готических немецких букв, выкрашенных в серебристый цвет. В переводе она значила то ли «трудовой», то ли «исправительно-оздоровительный». Но последняя часть этого длинного слова была «лагерь». А внизу стоял трёхзначный номер, который я не запомнил. Вывеска весила около 30 килограммов и была в длину около 80 сантиметров. Возможно, она до сих пор лежит в подвале дома или рядом с ним, засыпанная землёй, - добавляет собеседник.

Проектный норматив - 24 000 в год

Детские воспоминания спустя много лет побудили Александра Павловского начать своё расследование драматических событий 80-летней давности. Для этого он воспользовался фотоснимками 40-годов прошлого века. Что же касается предыстории трагического места, то

клинкерный завод, где до войны производился кирпич, был построен в начале 30-х годов в ходе первой сталинской пятилетки для возведения Гомсельмаша и Стеклозавода. Его печи и корпуса для сушки кирпича были использованы фашистами для сжигания людей, которых они вывозили из гомельского лагеря военнопленных «Дулаг-121» и не только.

- В мае 1942 года, согласно плану фашистов по массовому уничтожению евреев и военнопленных, для их доставки поездами к месту уничтожения - лагерному крематорию клинкерного завода - немцами была построена железнодорожная ветка длиной около 650 метров. Она протянулась от основной железнодорожной станции «Гомель-Северный» (около СШ № 34). На фотографии июня 1941 года видно, что такой железнодорожной ветки ещё не было, - приводит снимок Александр Павловский. - Понятно, что фашисты построили её не для производства кирпича.

Одновременно шло переоборудование печей обжига кирпича под массовое сжигание советских граждан. Печи оснастили двустворчатыми дверками с механизмами выдвижения металлических носилок для укладывания на них жертв.

- Такое оборудование позволяло сократить время между двумя загрузками трупов. А это значит, что фашисты ставили цель с наибольшей интенсивностью использовать печи, - делает вывод Александр Тимофеевич. - Что косвенно подтверждает тот факт, что печи рассчитывались на максимальное уничтожение людей и имели свой проектный норматив: одна печь для сжигания -24 000 человек в год. А это около 65 человек в сутки. В крематории было четыре печи. После «модернизации» они работали с мая

1942 года по сентябрь-октябрь 1943 года. На фотографии в апреле 1944 года, когда Гомель был уже освобождён, крематорий был без крыши и трубы.

Платформа смерти

Поскольку изначально печи крематория находились ниже уровня поверхности земли, на глубине до полутора метров, то они были засыпаны фашистами при отступлении землёй. В итоге они были обнаружены только в 1970-м году при разработке котлована под строительство детского садика по улице Советской, 123 А.

- Именно здесь - между домом № 10 по улице Чонгарской дивизии и южной стороной садика - и располагался крематорий с газовой камерой. А вдоль нынешнего забора между садиком и жилым домом № 10 сохранился участок монолитного бетонного пояса железнодорожной платформы, на которой выгружали прибывших в железнодорожных составах узников. Она была построена фашистами и имела длину около 80 метров. Платформы на краю имеет бруствер, очевидно для того, чтобы узники не могли спрятаться под вагон и сбежать, - обращает внимание Александр Тимофеевич. - Параллельно платформе на расстоянии полутора метров сохранился цокольный участок кирпичной стены крематория толщиной сантиметров 30, высотой в один-три ряда кладки. Кирпич неглинковый, швы заполнены известковым раствором. Что говорит о том, что стену возводили в довоенное время, когда не хватало цемента. В то время, как бетонный монолитный пояс верха платформы - ramпы у крематория - выполнен с использованием большого количества цемента и хорошо перемешан с привозным неместным щебнем, - делится наблюдением Александр Павловский. - За 80 лет бетон набрал значительную прочность, и её

количественное значение можно определить специальными приборами, которые имеются в БелГУТе, и, соответственно, подтвердить дату изготовления. Цокольная часть кирпичной кладки имеет следы горения в виде черной плёнки, по анализу которой можно определить наличие биологических остатков в её структуре.

Намеревались скрыть преступления

На фотографиях люфтваффе (ВС Германии), которые опубликованы в интернете, виден разрушенный в октябре 1943 года клинкерный завод (концлагерь), а также полностью демонтированная железнодорожная ветка. Хотя земляная насыпь под ветку и дом обходчика в районе между улицей Советской и железной дорогой (сейчас там находится баскетбольная площадка СШ № 34) заметна и на снимке в феврале 1944 года. Что косвенно подтверждает намеренное сокрытие следов преступлений фашистами.

- При внимательном рассмотрении снимков виден забор вокруг концлагеря, вышки по углам, глубокий ров, тянущийся вдоль обрыва карьера от нынешней улицы Троллейбусной (там сейчас памятник и могилы погибшим). Этот ров пересекал улицу Чонгарскую и тянулся далее до «Аэродрома», - обозначает границы Александр Павловский. - А в районе построенной фашистами железнодорожной разгрузочной ramпы виден лагерь в лагере.

Это район нынешнего дома №10 по улице Чонгарской дивизии и кирпичного жилого дома, стоящего параллельно рядом, а также дома № 7 - отделения почтовой связи. Внутри заграждённой прямоугольной территории видны новые постройки трёх-четырёх малых барачков, выстроенных в одну линию параллельно железнодорожной ветке.

Там же находится оставшийся заводской «Г»-образный корпус. Можно предположить, что это был корпус смертников, в котором после прибытия по железной дороге узники ждали своей очереди на уничтожение в крематории. А малые корпуса-бараки использовали, вероятнее всего, для сортировки прибывших: раздевания, стрижки, снятия золотых коронок...

Адский конвейер

Сама железнодорожная платформа, судя по фотографиям 1943 года, изначально была длиной около восьмидесяти метров и могла принять около 12 вагонов.

- В каждом вагоне, судя по снимкам времён Великой Отечественной войны, могло поместиться от 100-200 человек. Следовательно, численность направляемых фашистами на уничтожение пленных по железной дороге варьировало от тысячи до двух тысяч человек, - приводит цифры Александр Тимофеевич. - В четырёх печах сжигали 200-250 человек в сутки. Исходя из этого, можно сделать вывод, что эшелоны, чтобы обеспечить бесперебойную работу адского конвейера, прибывали на станцию смерти каждые пять дней. Именно поэтому на фотоснимке отсутствуют здания структуры питания узников - столовая и хранилища продуктов. Время между прибытием и уничтожением было такое, что заключённых кормить просто не требовалось.

На снимках в октябре 1943 года виден свежий песок на отдельных участках «Рва», что говорит о выполнении «земляных работ» глубокой осенью.

- Эти работы были явно не строительные, а скорее всего во рву закапывали трупы убитых, - делает вывод Александр Тимофеевич. -

Советская армия наступала, и фашисты не успевали уничтожить все следы своих преступлений. Гомель освободили в ноябре. Фронт стоял за рекой Сож, и в районе Ветки шли тяжелейшие бои. А в это время фашисты уничтожали следы своих преступлений. Так, на одном снимке видны бараки кирпичного завода в районе улицы Антошкина. Причём трубы, блок сжигания в центре - целые, и кровли бараков в хорошем состоянии.

А на немецком снимке января 1944 года дешифровщик фотографий обвёл кирпичный завод и ещё один (тоже в районе Гомсельмаша) «клинкерный завод-лагерь», вывел указательные линии на карьеры возле них и обозначил все одной буквой «D». Следовательно, на улице Антошкина существовал ещё один лагерь смерти. А фотографирование своей территории фашистами было продиктовано одной целью - инспектирование с воздуха результатов сокрытия лагерей смерти в Гомеле. Интересен ещё один факт - на снимке видно, что полностью сгорели корпуса прибытия смертников, что рядом с крематорием, а другие корпуса остались целыми. Полностью уничтожены были также бараки в кирпичном заводе-концлагере по улице Антошкина.

Но память Александра Павловского сохранила следы преступлений фашистов:

- В местах недалеко от карьера в районе улицы Чонгарской дивизии не 200 и не 300, а как минимум 5, а то и 20 тысяч человек лежит. Когда в моем детстве его откопали, то я там такое увидел! Вы не поверите! Кроме того, там, по слухам, захоронили и какое-то количество красноармейцев, которые погибли при освобождении Гомеля в 1943 году.

И мне очень хотелось бы, чтобы на территории, где осуществлялось массовое уничтожение граждан, была установлена каплица. Чтобы можно

было помолиться за души невинно убиенных людей.

Комментарий научного сотрудника отдела археологии и охраны историко-культурного наследия музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля Юрия ПАНКОВА:

- Сохранение и открытие новых сведений о трагических событиях нацистской оккупации Гомеля в Год исторической памяти актуально как никогда. Материал Александра Тимофеевича Павловского интересен и дает возможность подискутировать.

О находках 1970 года по улице Советской, 123А (на месте, где когда-то стоял клинкерный завод) мне приходилось слышать не один раз, но какой-либо точной информации, к сожалению, не встречал. Был ли на самом деле там крематорий, на мой взгляд, сложно сказать. По крайней мере, для историка сведений недостаточно. Однако теоретически эту версию я бы сразу не отвергал, но и согласиться с ней на данный момент сложно.

О том, что в годы оккупации нацисты сжигали трупы советских военнопленных в специально оборудованных местах, известно из Актов Чрезвычайной Государственной комиссии. В своих показаниях свидетели указывали, что крематории были устроены прямо за лагерем на пустыре. «ДУЛАГ» находился примерно в трех километрах от клинкерного завода, поэтому отождествлять версию Александра Тимофеевича со свидетельствами из Актов нельзя. Еще об одном факте не в пользу крематория говорит оккупационный план Гомеля 1943 года, на котором указано, что на месте клинкерного завода немцы устроили «Ziegelei» - кирпичный завод, то есть использовали территорию по прямому

назначению. Этой же версии придерживались и гомельские подпольщики, отправившие свои сведения в Белорусский штаб партизанского движения. Возникает логичный вопрос, как автор смог определить, что в обнаруженных в 1970 году печах сжигались именно трупы, а не обжигались кирпичи? Или как можно определить, что жидкость обязательно использовалась для сжигания трупов, а не для разжигания огня? Примечательно, что вышеупомянутые гомельские патриоты обозначили рядом с клинкерным заводом склад горючего.

В любом случае, было бы интересно больше исследовать это место. Упомянутая чугунная вывеска стала бы значимым пополнением музейного фонда города, а локализованную Александром Тимофеевичем новую железнодорожную ветку, построенную оккупантами, можно назвать краеведческим открытием.

ТЕКСТ:

Дмитрий ЧЕРНЯВСКИЙ

Гомель. История геноцида / подготовил Дмитрий Чернявский // Гомельские ведомости. – 2022. – 26 мая (№ 58). – С. 6; 21 июня (№ 69). – С. 6; 28 июля (№ 85). – С. 20; 25 октября (№ 123). – С. 7; 24 ноября (№ 135). – С. 20-21.

Надпісы на сценах Гомельскай турмы перыяду нацысцкай акупацыі Беларусі: расакрэчаныя звесткі НКУС СССР

У 2014 годзе спаўняецца 70 гадоў з часу вызвалення тэрыторыі Беларусі ад нацысцкай акупацыі. Аднак і сёння адкрываюцца дагэтуль засакрэчаныя дакументы, якія дапаўняюць нашы веды пра многія старонкі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны.

Нагодай для напісання дадзенага артыкула стала знаёмства з раней невядомымі гісторыкам архіўнымі матэрыяламі. Ад украінскай даследчыцы, доктара гістарычных навук Т. В. Вронскай я даведаўся, што ў Маскве захоўваюцца архіўныя справы, якія ўтрымліваюць скапіраваныя тэксты надпісаў, зробленых на сценах турмаў у перыяд нацысцкай акупацыі тэрыторыі СССР. Шчыра кажучы, спачатку гэтая інфармацыя мяне не зацікавіла. Узнікла пытанне аб тым, што новага можа быць у гэтых справах. Яшчэ ў 1961 г. пабачыла свет кніга "Говорят погибшие герои: предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941-1945 гг.)", дзе акрамя лістоў былі апублікаваны і многія надпісы са сцен гітлераўскіх турмаў, у тым ліку з тэрыторыі Беларусі. Яна вытрымала 9 выданняў, агульны тыраж якіх перавысіў 2,6 млн экзэмпляраў.

Аднак Тамара Васільеўна абвергла мае сумненні. Яна паведаміла, што гаворка ідзе аб нядаўна расакрэчаных дакументах Турэмнага ўпраўлення (ТУ) Народнага камісарыята ўнутраных спраў (НКУС) СССР, якія ўтрымліваюць каштоўную інфармацыю як па гісторыі антыфашысцкага супраціўлення, так і па гісторыі ваеннай паўсядзённасці.

І сапраўды, падчас працы з дакументамі фонду Турэмнага ўпраўлення НКУС СССР у Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі быў выяўлены вялікі матэрыял, які патрабуе значнай працы па пошуку звестак аб асобах, якія пакінулі надпісы. Трэба

быць вялікім аптымістам, каб спадзявацца на поспех, але абавязак гісторыка патрабуе паспрабаваць аднавіць з небыцця хоць адно добрае імя.

Знаёмства з матэрыяламі архіўных спраў паказала, што па ініцыятыве непасрэднага кіраўніцтва Турэмнага ўпраўлення НКУС СССР (начальнік-камісар дзяржаўнай бяспекі М. І. Нікольскі) у жніўні 1943 г. перыферычным органам было дадзена ўказанне, каб па меры вызвалення Чырвонай арміяй савецкіх гарадоў быў праведзены ўважлівы агляд турэмных памяшканняў на прадмет выяўлення на сценах камер надпісаў, зробленых вязнямі гэтых турмаў падчас акупацыі. Скапіраваныя на месцах надпісы неабходна было накіроўваць у Маскву. Можа ўзнікнуць натуральнае пытанне: навошта было гэта рабіць?

Высвятляецца, што Турэмнае ўпраўленне ўзяло на сябе ініцыятыву правесці адпаведную праверку на месцах асоб, на якіх меліся "ўстановачныя даныя" (г. зн. прозвішча, імя, адрас, месца працы і г. д.), з мэтай інфармавання мясцовых органаў НКУС — МДБ (Міністэрства дзяржаўнай бяспекі) аб тым, што гэтыя людзі сядзелі ў турмах і маглі быць завербаваныя немцамі. Аб праведзенай у гэтым кірунку працы і аб папярэдніх выніках пошуку можна даведацца з дакладнай запіскі начальніка ТУ НКУС СССР М. Нікольскага на імя наркама НКУС генеральнага камісара дзяржаўнай бяспекі Л. Берыі, якая датуецца 25 сакавіка 1945 г.: *"Докладываю на Ваше распоряжение записи на стенах камер, произведенные содержавшимися в тюрьмах во время немецкой оккупации. Осмотр тюремных помещений производился немедленно по мере освобождения советских городов от немецко-фашистских войск. Обнаружено и заактировано 2180 пофамильных записей. 387 записей*

содержат в себе краткие установочные данные авторов. Указанные записи были скопированы в 46 тюрьмах НКВД — УНКВД. Через органы НКГБ были произведены установки на 102 человека, содержащихся в тюрьмах при немцах.

В целях выявления немецких агентов, вербованных из контингента, содержащегося в тюрьмах, нами проведена выборочная проверка. Проверкой 6 человек установлено находящимися на службе в Красной Армии и 3 работающих в советских учреждениях. **Все они скрывают свое пребывание в тюрьмах во время немецкой оккупации. По нашим ориентировкам соответствующие органы контрразведки НКО, НКВД и НКГБ выявленных лиц взяли в агентурную разработку** (Асобныя сказы выдзеленыя аўтарам артыкула. — А.Л.). Л. Берыя падтрымаў ініцыятыву М. Нікольскага, аб чым сведчыць яго рэзалюцыя на дакуменце: *"Заслуживает внимания. Представьте предложения об установке названных лиц. Не исключено, что такие надписи и в других тюрьмах и Германии"*.

Як бачым, аўтара запіскі М. Нікольскага і наркама Л. Берыю гэтыя надпісы цікавілі толькі з аднаго боку — выяўленне асобаў, якіх маглі завербаваць немцы. Тое ж, што сярод вязняў турмаў былі сапраўдныя савецкія патрыёты, якія аддалі свае жыцці за Радзіму, яны ўвогуле не ўзгадвалі.

У архіве ТУ НКУС СССР захоўваюцца справы са скапіраванымі надпісамі, а таксама справы з матэрыяламі прававерак пэўных асобаў. З прагледжаных намі архіўных спраў бачна, што аператыўным аддзелам Турэмнага ўпраўлення было ўсяго ўзята на асаблівы ўлік больш за 800 чалавек, якія пакінулі на сценах надпісы з найбольш поўнымі ўстанавачнымі данымі.

Невядома чаму, але ў поле ўвагі Турэмнага ўпраўлення трапілі толькі 10 турмаў БССР: у Гомелі, Пінску, Кобрыне, Магілёве, Віцебску, Оршы, Мінску, Стоўбцах, Лідзе, Навагрудку. Усяго ж у гады акупацыі на тэрыторыі Беларусі ў розны час існавала каля сотні турмаў і месцаў прымусовага ўтрымання савецкіх людзей. Колькі іх было на самай справе, колькі ў іх было зроблена надпісаў і колькі з іх дакументальна зафіксаваныя, адназначна сказаць пакуль немагчыма. Найбольш поўныя на сёння звесткі аб колькасці турмаў і турэмных памяшканняў ёсць у даведніку, падрыхтаваным беларускімі архівістамі пад кіраўніцтвам У. Адамушкі. У ім прыведзена інфармацыя аб 75 турмах (12 па Брэсцкай, 12 па Віцебскай, 11 па Гомельскай, 7 па Гродзенскай, 16 па Мінскай, 16 турмаў і арыштанцкі дом па Магілёўскай вобласці). Аднак гэтая інфармацыя не з'яўляецца вычарпальнай.

У нас няма тлумачэнняў, чаму ў поле ўвагі работнікаў Турэмнага ўпраўлення не трапіла асноўная частка турмаў Беларусі і нават многія камеры з тых турмаў, якія абследаваліся на прадмет надпісаў (10 турмаў Беларусі). У дадзеным артыкуле аўтар каратка пазнаёміць чытачоў з надпісамі, знойдзенымі ў Гомельскай турме, матэрыяламі прававеркі аператыўным аддзелам ТУ НКУС СССР асобаў, якія пакінулі аб сабе "ўстанавачныя даныя", і вынікамі ўласнага пошуку інфармацыі аб гэтых людзях у апублікаванай літаратуры і архіўных дакументах.

За гады нацысцкай акупацыі праз турму г. Гомеля прайшла вялізная колькасць людзей, а непасрэдна перад прыходам савецкіх войскаў тут было расстраляна больш за тысячу вязняў. Горад Гомель быў вызвалены ад гітлераўскіх захопнікаў 26 лістапада 1943 г. - першым з абласных цэнтраў БССР. Прызначаная савецкая адміністрацыя турмы правяла

абследаванне камер і зрабіла копіі надпісаў са сцен. Спіс з гэтымі надпісамі быў затым адасланы ў Маскву. Прывядзем яго поўнасьцю, з захаваннем стылю і пунктуацыі. Тлустым шрыфтам выдзелены тыя прозвішчы, аб уладальніках якіх нам ужо ўдалося сабраць пэўныя звесткі.

“ТЮРЬМА г. ГОМЕЛЯ, УНКВД
ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛ., БССР

Камера № 1.

С 18 июня по 30 августа сидели
Афанасьев Ф.Ф., Михеев В. И.

Дорошенко С.Р.

Холопченко П. С.

Попов Е.

Головченко Адам. Морзе азбуку
написал телеграфист Головченко.

Камера № 14.

Толкачев Николай погиб 26
сентября 1943 г.

Чуя нов Григорий, погиб 26
сентября 1943 г.

26 сентября 1943 г. погиб
Войтенко Д.К.

Камера № 18.

Павлович Казимир Ф. Минской
области, Дзержинский район,
Новоселковский сельсовет, дер.
Макович. 25 сентября 1943 г. (г.
Дзержинск).

25 апреля 1943 г. вывезено с
СД 8 машин на расстрел.

Григорий, Аникей, Галя и
ост[альная] семья расстреляны
Шугалевы из С [а] венки, Ветковского
района, расстреляны 25 сентября
1943 г. за связь (гор. Ветка, Гомельской
области).

Камера 2-го корпуса.

Позняков Петр Поликарпович,
рождения 1921 года, Тереховка. 25
сентября 1943 г. — погиб.

Корпус №- 2.

Камера № 1.

Митенко Анисим.

Камера № 2.

Куколов Сергей.

Андриевский М.М., Клиницы,

прибыл 21 июня, расстрелян 26
сентября 1943 г.

Тарнушенко Мария, выбыла 26
сентября 1943 г.

Алексеенко Алексей
Калинович, погиб 25 августа 1943
года, расстрелян.

Приходько Федор, расстрелян
26 сентября 1943 г.

Дюкарев Д.П., 13 апреля 1943 г.

Максименко С.М. 6 мая 1943 г.

Моргунов В. 7.8 — 17 февраля
1942 г.

Ковалев Федор Иванович.

Малышев Владимир, 1919 из
Новозыбкова, забран 20 февраля 1943
г. судьба решилась 7 мая 1943 г.
(Брянской области).

Куприяничик М.А. 16 июля.

Сегодня 90 суток, а допроса
все нет — Устенков забран 10 июня
1943г.

В.Глушаков 17 августа 1943 г.

Ходаков

Редкий Ник. Вас., Саратов, Б.
Казачья, 43, расстрелян 26 сентября
1943 г.

Пастушенко Андрей
Петрович, Чечерский район, д. Отор,
расстрелян 26 сентября 1943 г., кто
может передайте родным (м. Чечерск,
Гомельской обл.).

Дробышевский Федор
Григорьевич, Черский р-н,
Наухавическая вол., д. Дубровка,
расстрелян 26 сентября 1943 г.

Камера №3 женская.

Дуся Прохорова 17 сентября
1942 г.

Муся Моргунова арест. 6
августа в Новозыбкове. Валя Моргунов
в Гомель прибыл 11 августа 1942 г.
Татарина Прасковья из Новозыбкова.

Касаткина Анна.

С 26 сентября сидели
Стрельцова Люба и ее дочь Нелли.

Камера № 4.

Фетисов Виктор, 1924 г., с 14
августа 1943 г. Мерзлое Валентин.

Огрызко И.Р.

Алейников.
Камера № 5.
Михаленко Анатолий был с 25 мая.
Баулин С. К. прибыл 6 мая 1943 г. убыл. Ярошевич М. Ф. прибыл 16 мая 1943 г., убыл 23 июня 1943 года.
Баулин В. К.
Милевский Л.
23 июля 1943 г. Маглышев.
Маглышев Миша Чечерск 23 июля 1943 г. выбыл 26 сентября 1943 г.
Милевский Анатолий Иванович, 10 октября 1943 г. Никитин И. А. прибыл 3 июня 1943 г. убыл.
Миша 13 мая 1943 г., 17 мая 1943 г.
Таня 13 мая 1943 г., 18 мая 1943 г.
Бесчастнов 31 мая 1943 г.
Борейша АЛ. 21 мая 1943 г. убыл.
Солодкин А. В. 6 апреля 1943 г. убыл. Кузьминицкий Вас. Ар.
Клинов — Ардони заточен 22 июля 1943 г.,
К. В. Румянцев с 21 марта 1943 г.
Сухаринов Ив. Н.
Летяго Ив. П. 5 марта 1943 г. из Новозыбкова. Шевцов.
Костя матрос Балтики из воздушно-десантного отряда Комарова погиб 26 сентября 1943 г. расстрелян.
10 июня 1942 г. Алейников.
Громов К. М. прибыл 23 июня 1943 г.
Накалов Иван.
Зубарев Б. И. прибыл 3 августа — убыл.
Камеры 2-го корпуса.
№2.
Был Громов Иван.
№3.
Яночкин.
1 корпус.
Камера № 18
Погиб 25 сентября 1943 г. с ним 30 чел. через расстрел. До

свидания товарищи, помните фашистскую власть.

Дубовицкий Петр Павлович.
Вятка, ул. Средняя, 17 —
Удалов Иван Данилович, посетил камеру 26 сентября 1943 г. Сидело 10 июня 1943 г. по 25 сентября 1943 г. (Гомельская обл.).

Сугонякин Федот М. Сивенко.
Ивановы Иван, Михаил, Валентина, Анна расстреляны 25 октября 1943 г. — суббота.

Салов Валентин погиб 25 апреля 1943 г.

Добруш, Дедков Сергей Михайлович, 1921 г. рождения, сидел за связь, пущен в расход 25 сентября 1943 года, Шабловский Михаил Васильевич сидел за связь, пущен в расход 25 сентября 1943 г.

В полуразрушенных камерах б. женского корпуса.

Лебедев Павел г. Гомель, Подгорная, 19, взяли на расстрел 24 сентября 1943 г., передайте Лебедевой Любе.

Сталинград, обл., Руднянский р-н, с. Рудня, Майская, 112 — Глушковой Марии Фед. — Владимир расстрелян.

Елисеенко Иван Ларионович — село Ути, Тереховского р-на, прибыл 12 сентября 1943 года. Сообщите родным до войны работал директором Случ-Миличанской школы (с. Терехов, Гомельск. обл.)

Роца Смольная, дом 1 Василевич Надя.

г. Добруш. ул. Гомельская, дом 11 **Гаврилюченко Петр** сидел с 23 августа 1943 г. 25 сентября 1943 г. расстрелян (Гомельская область).

Алтайский край. Барнаул — Короленко, д. 8 Шабанов расстрелян.

Алма-Ата, Каз. ССР, Пушкинская, 25 — **Ершов Дмитрий Андреевич**, расстрелян.

Усть-Каменогорская обл., Большенарыльский р-н, Малокрасноярский с/с — Назаров

расстрелян (Казах. ССР).

Тамбовская область,
Ржаксинский район, Отхошенвский с/с.
Чернов Иван Ан. расстрелян.

Кто первый увидит эту
надпись, сообщите пожалуйста
Гомель, Роща Смольная, д. 1 Василевич
Наде. Погиб здесь в тюрьме 25
сентября Ермаков Николай Петрович
из Москвы, сообщите через газету о
моей гибели матери Ермаковой Анне
Ильиничне, 1898 г.

Погиб Шляхов Иван Андреевич,
сидел с 22 августа 1943 г. по 26
сентября 1943 г. неизвестно за что.

Як бачым, нават павярхоўнае
знаёмства са спісам паказвае, што ён
утрымлівае розную каштоўную
інфармацыю аб вязнях, іх родных,
абставінах арышту, часе знаходжання ў
заклучэнні, далейшым лёсе.

Турма ў Гомелі дзейнічала з
першых дзён нацысцкай акупацыі. Яна
размяшчалася ў чатырох карпусах —
былых будынках турмы УНКУС
Гомельскай вобласці па адрасе вул.
Савецкая, 73. У кожным з карпусоў
мелася па 8-9 камер. У іх утрымліваліся
вязні, якія лічыліся за пэўным карным
органам. У турму накіроўвалі
арыштантаў з камер папярэдняга
заклучэння тайнай ваеннай паліцыі,
службы бяспекі СД, Жандармерыі,
паліцыі парадку, а таксама
чырвонаармейцаў з лагера
ваеннапалонных. Пры адступленні з г.
Гомеля немцы расстралілі ўсіх вязняў
турмы — больш за тысячу чалавек.

З тысяч вязняў, якія ў розны час
акупацыі сядзелі ў турме, надпісы ёсць
толькі аб 89 чалавеках. Яны
распавядаюць аб трагічным лёсе
савецкіх людзей, асабліва тых, хто
трапіў за краты па падазрэнні ва ўдзеле
ў партызанскай і падпольнай барацьбе.

Пакідаючы надпісы з адрасам
сям'і, вязні спадзяваліся, што аб іх лёсе
паведамаць тыя, каму пашчасціць
выжыць. Невядома, ці адклікнуўся хто-
небудзь на апошнюю просьбу М. П.

Ермакова і расказаў Надзеі Васілевіч
(Гомель, Гай Смольны, д. 1) аб яго лёсе,
каб яна потым паведаміла яго маці "праз
газету" ў Маскву.

Хто гэтыя людзі? За што яны
апынуліся ў турме? Як склаўся іх
далейшы лёс? Пошук адказаў на гэтыя
пытанні і стаў асновай нашага
даследавання. Ён праводзіўся па
матэрыялах архіваў Рэспублікі Бела-
русь і апублікаваных звестках (у першую
чаргу з кнігаў хронікі "Памяць"). На
дадзены момант удалося знайсці
інфармацыю толькі аб некалькіх асобах,
ад-чак першыя вынікі абнаўдзейваюць.

Свбй расказ аб людзях, чые
імёны былі выяўленыя на сценах
Гомельскай турмы, пачнем з **камеры
№1** (верагодна, чацвёртага корпуса). У
ёй былі пазначаны шэсць прозвішчаў.
На дадзены момант звесткі сабраныя аб
дзвюх асобах: **С. Р. Дарашэнку Я.
Папове**, імёны якіх прыведзены ў
хроніцы "Памяць". Так, у спісе членаў
падпольнай арганізацыі г. Гомеля пад
кіраўніцтвам Леаніда Іосіфавіча
Лзегірэйскага пазначана: *Дарашэнка
Сямён Раманавіч, н. у 1901 г., у
арганізацыі з верасня 1941 па ліпень
1943, да вайны — ваеннаслужачыя. У
спісе загінулых удзельнікаў народнага
апалчэння, падпольшчыкаў і партызан
аб Л. Дзегірэйскім сказана, што ён
"кіраўнік падпольнай групы.
Расстралены ў верасні 1943". Нам
захацелася больш даведацца аб
дзейнасці гэтай групы і лёсе С. Р.
Дарашэнкі. Першая інфармацыя была
выяўлена ў гістарычнай даведцы
"Подвиг непокоренных. С
коммунистическом подполье в городе
Гомеле в годы Великой Отечественной
войны (август 1941 — ноябрь 1943 г.)",
падрахтаванай Інстытутам гісторыі
партыі пры ЦК КПБ і Гомельскім
гаркамам і апублікаванай у газеце
"Советская Белоруссия" 21-22 чэрвеня
1973 г. У ёй дзейнасць групы Л.
Дзегірэйскага ацэнена вельмі высока:
"Смелые диверсии проводила группа во*

главе с участником гражданской войны Л. И. Дегиревским, работавшим до войны председателем исполкома Жлобинского районного Совета депутатов трудящихся. Кроме руководителя, в состав группы входили коммунисты С. Р. Дорошенко, С. В. Мельников, Е. А. Можейко. С. Ф. Поляков, И.К. Федоров, В. Ю. Чужов, П. Л. Шатило и другие патриоты. Группа имела низовые ячейки на железнодорожном узле, крупозаводе, в лесничестве. Подпольщики совершали диверсии, нарушали вражескую связь на линиях Гомель - Добруш, Гомель - Уза. В феврале 1943 года С. Р. Дорошенко, С. В. Мельников и Е. А. Можейко успешно осуществили диверсию на железной дороге. Они перевели стрелки на станции, вызвав этим столкновение двух поездов с живой силой врага между Моховым переездом и Кузнечным мостом. В июне 1943 года подпольщики подожгли продовольственный склад на Сенной улице. Вместе с партизанами Мельников и другие члены группы участвовали в разгроме полицейского участка в Кобылянке, поджоге моста через реку Уза и других боевых операциях.

В июне 1943 года гитлеровцы выследили и схватили в доме № 5 по улице Ленина Л. И. Дегиревского и хозяйку этой конспиративной квартиры, работницу швейной фабрики И. С. Езерскую. Их жестоко пытали. Мужественные патриоты погибли, но не выдали боевых товарищей.

У Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь у фондзе Гомельскага партыйна-камсамольскага падполля захоўваюцца ўспаміны С. Р. Дарашэнкі, напісаныя ў пачатку 1970-х гг., у час працы Камісіі па прызнанні дзейнасці Гомельскага партыйна-камсамольскага падполля. З іх можна атрымаць наступныя звесткі: Сямён Раманавіч Дарашэнка, 1901 г.н.,

українец, член ВКП(б) з 1931 г., адукацыя вышэйшая. Да вайны камандаваў сапёрным батальёнам. Ён успамінаў: "В начале апреля 1941 года меня перебросили по службе со своим батальоном в Пинск в д. Жабчицы для строительства аэродрома, строительство аэродрома подходило к концу, — а 22 июня вероломно фашистская Германия напала на нашу родину, дальнейшее строительство было прекращено. 4.07.1941 г. по распоряжению военного коменданта станции Лунинец я прибыл со своим батальоном на ст. Лунинец, погрузился в эшелон и эшелон направлен на ст. Гомель, по прибытию на ст. Гомель военный комендант ст. Гомель связал меня по телефону с командующим 21-й армией, который отдал распоряжение коменданту ст. Гомель отправить эшелон с моим батальоном на ст. Добруш, в лес, где батальон готовился строить мосты через речные преграды на р. Ипуть, а 12 июля на рассвете походным маршем выступил на запад в район Жлобин — Рогачева в распоряжение командира 63-го СК ген. л-та Петровского для строительства мостов через р. Днепр в районе д. Лебедевка, г. Жлобин ид. Лучин. По роду своей работы я был связан с председателем Жлобинского райисполкома т. Дегиревским Л. О. 3 августа 1941 г. я был тяжело ранен и отправлен в полевой госпиталь, который располагался в школе д. Майское, а 18.08.41 г. 63-й корпус попал в окружение и там же оказался и госпиталь. Немцы бомбили деревню и госпиталь, раненые, которые могли двигаться, уходили в лес. а тяжелораненых разбирали граждане из разных деревень, в том числе и меня взяли из госпиталя гр. Можейко Петр Анисимович, который учительствовал в д. Асиновка — дер. Фундолина Чечерскогор-на... В конце октября 1941 г. я встретился в квартире учителя

Можейко П. А. с тов. Дегиревским Л. О. и Можейко Е. А."

У канцы 1941 г. Дарашэнка разам з Дзегірэйскім і Мажэйкам пераехалі ў Гомель, дзе стварылі падпольную групу. Дзегірэйскі займаўся рэмонтам абутку, а Дарашэнка кравецтвам. Вось як пра гэта ўспамінаў С. Р. Дарашэнка: *"В подпольную группу входили члены ВКП(б) тов. Дегиревский Л. О., Можейко Евстафий Анисимович, Чужов Василий Юрьевич, Мельников С. В., Федоров Иван Константинович, Поляков Семен Федорович, Поляков Ф. А., Дорошенко С. Р."*

В работе подпольной группы принимали активное участие беспартийные товарищи; Цуканов Анатолий Петрович, Станкевич (ветврач). Азерская (Езерская) Ирина Семеновна, Азерская Ксения, Можейко Петр Анисимович, Беспаликов А. С., Утко С. Л., Мельникова, Галко Черная (Шатило Галина Петровна, Дорошенко Мария Степановна).

Абставіны свайго арышту Дарашэнка тлумачыў наступным чынам: *"Для практической и конкретной деятельности подпольно-партийной группы был направлен в штаб партизанского движения Гомельской области Чижов В. Ю., который остался при штабе, а вместо Чижова прибыл молодой парень, фамилию его не знаю, но он оказался предателем, и в августе м-це 1943 г. я и другие шли к тов. Дегиревскому для информации результатов бомбежки нашими самолетами не доходя до его квартиры, а я шел и нес в ремонт туфли, мне сказала соседка, что сапожника арестовали, а в его квартире сидят СД и кто приходит к нему всех арестовывают. Я не успел отойти от кв. Дегиревского, как меня задержали и повезли в СД, со мной были задержаны Цуканов, Езерская"*.

На допыце Дарашэнку задавалі пытанне, адкуль ён ведае Дзегірэйскага. Ён адказаў, што ведае яго як шаўца. На

вочнай стаўцы Дзегірэйскі пацвердзіў, што ведае Дарашэнку як заказчыка. У час адной з прагулак Дзегірэйскі папярэдзіў, што ўзяў усю віну на сябе, і што яго выдаў чалавек, які прыйшоў са штаба партызанскага злучэння замест Чыжова: *"В конце августа 1943 г. меня, Цуканова и Озерскую с дочерью освободили, а тов. Дегиревский оставался еще в тюрьме и очевидно он погиб в застенках СД. В городе свирепствовала жандармерия и гестапо и дальше оставаться в городе было невозможно и все члены подпольной группы ушли из города в леса..."*. Пасля вызвалення Гомеля ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў С. Р. Дарашэнка пайшоў на фронт. У Гомель ён вярнуўся толькі ў 1947 г.

Што тычыцца Я. Панова, то намі ўстаноўлена, што гэта **Яфім Фёдаравіч Папоў**, які пасля вызвалення Гомеля даў наступныя паказанні аб сваім знаходжанні ў Гомельскай турме: *"... С 23 сентября немцы начали массовое истребление заключенных. В тюрьму непрерывно въезжали автомашины, на которые погружали заключенных и вывозили на расстрел. 28 сентября гестаповцы вывоз людей прекратили в связи с тем, что к Новобелице подходили советские части, и начали расстреливать во дворе тюрьмы. Людей по одному подгоняли к двум большим ямам во дворе тюрьмы и расстреливали. Это ужасное зрелище продолжалось весь день... На моих глазах расстреляли не менее 200 заключенных. Расстрел прекратили только после того, как обе ямы были наполнены трупами и расстрелянных девать было некуда..."*.

У надпісах на сцяне **камеры № 14** (верагодна, чацвёртага корпуса) ёсць звесткі аб трох асобах, сярод якіх **Мікалай Талкачоў**.

У першай кнізе хронікі "Памяць" г. Гомеля ў спісе членаў падпольнай разведгрупы "Радзіма" НКДБ БССР, якой кіраваў Міхаіл Іванавіч Філімонаў,

пазначаны Талкачоў Мікалай Фёдаравіч (1923 г. н.), член групы з мая па лістапад 1943 г., а таксама Талкачоў Фёдар Іванавіч (1903 г. н.), сувязны трупы з мая па лістапад 1943 г.

У другой кнізе хронікі "Памяць" г. Гомеля ў спісе загінулых удзельнікаў народнага апалчэння, падпольшчыкаў і партызан ёсць звесткі аб двух Талкачовых, падпольшчыках спецгрупы "Радзіма" НКУС СССР, расстраляных у лістападзе 1943 г.: Талкачове Мікалаю Фёдаравічу і Талкачове Фёдару Іванавічу. Відавочна, што гаворка ідзе аб адных і тых жа асобах.

Паводле даных гісторыка А. К. Салаўёва, спецгрупа НКДБ БССР "Радзіма" была накіравана ў тыл ворага 24 сакавіка 1943 г. у складзе трох чалавек (кіраўнік групы маёр М. І. Філімонаў). Група дзейнічала на тэрыторыі Кармянскага, Буда-Кашалёўскага, Журавіцкага, Чачэрскага, Свяцілавіцкага і Веткаўскага раёнаў Гомельскай вобласці. Разведчыкамі спецгрупы праз створаную імі агентурную сетку была сабрана значная разведвальная інфармацыя аб варожых гарнізонах, аказана дапамога партызанскім атрадам па выяўленні варожай агентуры. Таксама было праведзена некалькі дыверсій, сярод якіх - узрыў воданепорнай вежы на станцыі Буда-Кашалёва 12 верасня 1943 г., падрыў гаража ваеннай камендатуры ў мястэчку Свяцілавічы. 10 кастрычніка 1943 г. спецгрупа "Радзіма" злучылася з часцямі Чырвонай арміі. У кнізе "Щит и меч Отечества" гаворыцца аб тым, што спецгрупа "Радзіма" выляцела ў тыл у маі 1943 г.

У Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь у спісе гомельскіх падпольшчыкаў з разведгрупы "Радзіма" сярод 10 членаў пазначаны:

Талкачоў Мікалай Фёдаравіч (1923 г. н.), ураджэнец в. Сапрыкі Чачэрскага раёна, які падчас нацысцкай акупацыі працаваў у гомельскім маслапроме. Выконваў заданні па

зборы разведвальных даных. У групе з мая па лістапад 1943 г.

Талкачоў Фёдар Іванавіч (1903 г. н.), ураджэнец в. Сапрыкі Чачэрскага раёна, які падчас нацысцкай акупацыі працаваў бухгалтэрам у Чачэрскай раённай управе. У групе з мая па лістапад 1943 г. 3 лета 1943 г. сувязны ў групе разведкі.

У **камеры № 18** (чацвёртага корпуса) у надпісе на сцяне пазначаны імёны **Рыгора, Анікея, Галіны Шугалёвых**. Мяркуючы па змесце, запіс зрабіў хтосьці з сакамернікаў, хто ведаў аб лёсе сям'і Шугалёвых. З тэксту надпісу відавочна, што Шугалёвы былі расстраляныя 25 верасня 1943 г. за сувязь з партызанамі. Аўтар запісу, верагодна, не ведаў імёнаў усіх членаў сям'і, таму канстатаваў "*и ост[альная] семья*".

Пошук звестак аб асобах, якія ўзгадваюцца ў надпісе, мы пачалі з хронікі "Памяць" Веткаўскага раёна. У ёй у спісе загінулых партызан, падпольшчыкаў, удзельнікаў антыфашысцкага руху, асоб, якія садзейнічалі партызанскаму руху і падполлю, членаў іх сем'яў і мірных жыхароў — ахвяр фашысцкага тэрору, пазначаны наступныя жыхары в. Сівенка Веткаўскага раёна: **Шугалеева Варвара Анікееўна, Шугалеева Ганна Цярэнцьеўна, Шугалеева Еўдакія Яўхімаўна, Шугалеева Хрысціна Сафронаўна. Шугалеёў Анікей Сцяпанавіч Шугалеёў Рыгор Анікеевіч**. Можна меркаваць што Шугалеева Варвара Анікееўна (дачка Анікея Сояпанавіча і Ганны Цярэнцьеўны) таксама запнула ў турме г. Гомеля. На жаль, знайсці якія-небудзь звесткі аб гэтым у кнізе "Памяць" не ўдалося.

Сярод 188 воінаў - землякоў жыхароў в. Сівенка, якія загінулі альбо зніклі без вестак, значыцца Шугалеёў Майсей Анікеевіч (напэўна, сын Анікея), радавы, загінуў 29 снежня 1944 г. падчас вызваленчых баёў на тэрыторыі Латвіі.

Такім чынам, можна зрабіць Васнову, што 25 верасня 1943 г. у Гомельскай турме была расстраляна сям'я Шугалеевых: Анікей Сцяпанавіч (бацька), Ганна Цярэнцьеўна (маці), Рыгор Анікеевіч (сын) і Варвара Анікееўна (дачка). Яшчэ адзін іх сын (?) Маісей Анікеевіч пазбегнуў арышту і загінуў на тэрыторыі Латвіі ў снежні 1944 г.

Звесткі аб абставінах гібелі аднаго з Шугалеевых маюцца ў матэрыялах следчай справы на былога наглядчыка Гомельскай турмы А. І. Лазбекіна, які на допыце 10 студзеня 1944 г. даў падрабязныя звесткі аб апошніх днях існавання Гомельскай турмы пры нацысцкай акупацыі. Згодна з імі, Шугалеў і шэраг іншых вязняў, якія знаходзіліся ў корпусе СД, расстраляныя 25 верасня 1943 г. непасрэдна ў турме ў спецыяльна выкапанай для гэтага яме: *"Из числа расстрелянных из корпуса "СД" я помню некоторых по фамилии — Кулинкин, Худалеев — старик, Стасенко, Иванов и Шугалеев, все они в тюрьму поступили из районов, но из каких, я сказать не могу"*.

З 17 асоб, прозвішчы якіх былі пазначаныя на сцяне **камеры № 2** (корпуса №2), можна гаварыць пакуль аб чатырох асобах: **Пастушонку Андрэю Пятровічу, Драбышэўскім Фёдару Рыгоровічу, Аляксеенку Аляксею Калінавічу і Глушакове У.**

Аб першых двух мы даведваемся з надпісаў, што яны паходзяць з Чачэрскага раёна Гомельскай вобласці: першы — з в. Отар, другі — з в. Дуброўка, абодва расстраляныя 26 верасня 1943 г. Мяркуючы на выяўленых намі звестках, іх лёс можа служыць прыкладам патрыятычнага выканання свайго абавязку па абароне Радзімы.

Паколькі на Пастушэнку і Драбышэўскага меліся амаль поўныя "ўстанавачныя даныя", іх лёс не мог не зацікавіць аператыўны аддзел ТУ НКУС

СССР, адкуль паступіў адпаведны запыт па месцы жыхарства. Адказ прыйшоў у красавіку 1945 г. за подпісамі супрацоўнікаў Чачэрскага раённага аддзела НКДБ — начальніка капітана Варанцова і аперупаўнаважанага старшага лейтэнанта дзяржбяспекі Алеева: *"На Ваш №... от 28.11.1945 сообщаем, что Пастушенко Андрей Петрович в период немецкой оккупации проживал по месту рождения в д. Отаре Чечерского района Гомельской области. В 1943 г. Пастушенко арестован немцами, о судьбе последнего никто ничего не знает"*.

У хроніцы "Памяць" Чачэрскага раёна ў спісе загінулых партызан, падпольшчыкаў, удзельнікаў антыфашысцкага руху в. Отар, Отарскага сельсавета пазначаны Пастушэнка Андрэй Пятровіч, 1912 г. н. Пры гэтым у той жа кнізе ў спісе воінаў-землякоў, якія загінулі альбо зніклі без вестак у 1941-1944 гг., сярод 73 чалавек значыцца таксама Пастушэнка Андрэй Пятровіч, 1914 г. н., які загінуў у 1941 г. Высветліць, ідзе гаворка аб адным чалавеку альбо аб двух розных людзях, пакуль не выявілася магчымым. На жаль, у гэтай справе хроніка "Памяць" з'яўляецца не вельмі надзейнай крыніцай. Так, у артыкуле аб в. Отар на адной і той жа старонцы гаворыцца аб тым, што ў Вялікую Айчынную вайну ў баях з нямецка-фашысцкімі захопнікамі загінулі 462 землякі, а праз некалькі радкоў — аб тым, што на адлегласці 1,5 км на захад ад вёскі ёсць помнік на ўшанаванне памяці 469 вяскоўцаў, якія загінулі на франтах Вялікай Айчыннай вайны, і 213 мірных жыхароў, закатаваных захопнікамі ў 1941 г. і лістападзе 1943 г.

На гэтым помніку сярод іншых пазначаны наступныя прозвішчы:

- **Пастушэнка Андрэй Пятровіч**, н. у 1912;

- **Пастушэнка Арына Аляксееўна**, н. у 1876 (маці?);

- Пастушэнка Валя Андрэеўна, н. у 1938 (дачка?);
- Пастушэнка Леанід Андрэевіч, н. у 1940 (сын?);
- Пастушэнка Раіса Аляксееўна, н. у 1911 (жонка?).

Відавочна, што гітлераўцамі была поўнасцю знішчана сям'я А. П. Пастушэнкі. Таксама відавочна, што А. П. Пастушэнка быў звязаны з партызанамі. На жаль, у картатэцы партызан і падпольшчыкаў Беларусі звестак аб ім няма. Магчыма, гэты чалавек быў звязаны з адной са спецгрупп НКУС — НКДБ альбо Разведвальнага ўпраўлення Чырвонай арміі.

Некаторыя факты аб сям'і А. П. Пастушэнкі па ведаміла жыхарка г. Гомеля Ганна Яфімаўна Піляк: *"Когда началась война, мне было 18 лет. Я с родителями проживала в д. Отор. Пастушенко жили в нескольких домах (5-6) от нас. Андрей Петрович дружил с моими старшими братьями Алексеем (пропал без вести на фронте, перед войной служил в воздушно-десантных войсках в Москве) и Егором (с войны пришел инвалидом, без ноги. Работал учителем под Минском). Пастушенко был намного старше меня. Где он работал до войны, я не знаю. Может, и в Гомеле. Знаю, что у него была жена Рая и двое очень красивых детей; мальчик Леня и девочка (имени не помню). Рая была еврейкой. Они во время оккупации жили в деревне, однако никто [на них] не донес. Раю арестовали перед приходом Красной армии. Кого ещё арестовали тогда из жителей деревни, я не знаю..."*

У адказе за подпісамі Варанцова і Алеева ёсць таксама звесткі аб **Ф. Р. Драбьшэўскім**: *"Сообщаем, что Драбьшевский Федор Григорьевич, 1919 г. р., д. Дубровка, в годы оккупации служил медфельдшером при Дудничской больнице. 6 августа 1943 г. немецкими*

властями был совместно с женой арестован и содержался в тюрьме г. Гомель до 26. IX. За связь с партизанами был расстрелян. Проверкой установлено, что Драбьшевский с момента ареста немецкими властями в д. Дубровка не появлялся, и о его судьбе как жена, а также родители по настоящее время не знают".

У хроніцы "Памяць" Чачэрскага раёна ў спісе загінулых партызан, падпольшчыкаў, удзельнікаў антыфашысцкага руху з в. Дуброўка Ноўхавіцкага сельсавета сярод трох загінулых значыцца **Драбьшэўскі Фёдар Г.**, 1917 г. н. Як бачна, і ў гэтым выпадку кніга не высвятляе сітуацыю, Уяўляецца, што прыведзены вышэй адказ за подпісамі Варанцова і Алеева ўтрымлівае больш дакладныя звесткі. Мы спадзяемся на тое, што пасля апублікавання дадзенага артыкула адгукнецца хтосьці з землякоў Ф. Драбьшэўскага, які валодае больш поўнай інфармацыяй аб гэтым чалавеку, Як вынікае з кнігі "Памяць", у 1990 г. у в. Дуброўка было 34 двары, 57 жыхароў. Аднак у сувязі з аварыяй на Чарнобыльскай АЭС яна была адселена.

Інфармацыя аб яшчэ адным чалавеку, прозвішча якога было напісана на сцяне камеры, знайшлася пасля публікацыі ў газеце "Гомельская праўда" ад 6 красавіка 2013 г. артыкула аб надпісах на сценах Гомельскай турмы. Аўтару артыкула патэлефанаваў жыхар г. Гомеля Курпянкоў Аляксей Пятровіч (1948 г. н.) і які паведаміў, што **Аляксеенка Аляксей Калінавіч** — яго дзядзька, ураджэнец в. Отар Чачэрскага раёна. Нарадзіўся ён прыкладна ў 1918-1919 гг., у гады вайны жыў у роднай вёсцы і быў звязаны з партызанамі. Летам 1943 г. яго і яшчэ чатырох падпольшчыкаў арыштавалі акупанты і адвезлі ў Чачэрскую турму. Таксама А. П. Курпянкоў раскажаў, што ў яго дзядзькі была рацыя, праз якую

перадавалі звесткі ў Маскву. Выдаў жа яго і іншых падпольшчыкаў мясцовы жыхар. Пасля вайны гэты чалавек быў прыгавораны да турэмнага зняволення тэрмінам 15 гадоў і поўнасцю адбыў свой тэрмін пакарання. Пасля размовы з Аляксеем Пятровічам я яшчэ раз звярнуўся да хронікі "Памяць" Чачэрскага раёна і знайшоў у спісе прозвішчаў 73 воінаў-землякоў, якія загінулі альбо зніклі без вестак у 1941-1945 г., наступны запіс: *"Аляксеенка Аляксей Калінавіч, н. у 1912, лейт., прапаў без вестак 7. 1943"*.

Аб лесе чацвёртага вязня з камеры № 2 — **Глушакова У.** — надпіс на сцяне нічога не паведамляе. Не шукала гэтага чалавека і Турэмнае ўпраўленне НКУС. Аднак па шэрагу абставін на сённяшні дзень мы ведаем аб ім нашмат болей, чым аб першых двух. Нарадзіўся Глушакоў Уладзімір Максімавіч у 1913 г. у г. Гомель. Закончыў 7 класаў, у 1936 г. — Мінскае пяхотнае вучылішча. Член ВКП(б) з 1931 г. У пачатку вайны служыў у Ваўкавыску на пасадзе памочніка начальніка 1-га аддзела штаба механізаванай дывізіі. У раёне Навагрудка трапіў у акружэнне, пазней у Мінску трапіў у палон, адкуль здолеў уцячы. З пачатку верасня 1941 г. жыў у Гомелі.

Дзякуючы дзейнасці савецкіх праваахоўных органаў стала вядома гісторыя яго злачынства, за якое ў 1945 г. ён быў асуджаны да вышэйшай меры пакарання — расстрэлу. Са следчых матэрыялаў бачна, што адной з прычын правалаў Гомельскага падполля, масавых артыштаў і гібелі савецкіх патрыётаў з'яўлялася дзейнасць гітлераўскіх спецслужбаў і асабліва "Абвергрупы-315", якой удалося ўвесці ў склад падполля сваіх агентаў, у прыватнасці і У. Глушакова.

З матэрыялаў, якія меліся ва УКДБ, вынікае, што ў студзені 1942 г. асабовы склад нацысцкага контрразведвальнага органа "Абвергрупа-315" (умоўна называлася

аддзяленнем "ГМ" (Гаўптман Мюлер) перадысцлацыраваўся са Смаленска ў Гомель, дзе знаходзіўся да верасня 1943 г. Кіраўніцтва групы складалі:

Дрэйс, альбо Дрэйс Іосіф, альбо Ота, мянушка "Мюлер" — капітан (гаўптман), начальнік з сакавіка да красавіка 1943 г.;

Цынт, ён жа Кімфер Франк — оберлейтэнант, начальна з красавіка — чэрвеня 1943 г.;

Крахт Вільгельм — зондэрфюрэр, намеснік начальніка да кастрычніка 1942 г.

Гартман Курт — фельдфебель, намеснік начальніка з кастрычніка 1942 г.

"Абвергрупа-315" праводзіла работу па выяўленні закінутых у тыл немцаў аператыўна-чэкісцкіх груп, савецкага патрыятычнага падполля, ажыццяўляла арышты, следствы, займалася вярбоўкай і перавярбоўкай агентуры, дзэінфармацыяй савецкага камандавання праз перавербаваных агентаў, уводзіла сваю агентуру ў склад патрыятычнага падполля і партызанскіх атрадаў.

Неабходна адзначыць, што савецкія праваахоўныя органы правялі вялікую працу па расследаванні дзейнасці "Абвергрупы-315". Арышт шэрагу агентаў, а таксама двух кіраўнікоў трупы (В. Крахта і К. Гартмана) дазволіў назапасіць вялікі матэрыял па факце раскрыцця нямецкімі карнымі органамі ў 1942 г. патрыятычнага падполля і рэпрэсіяў у адносінах да савецкіх патрыётаў. Ён сведчыць аб тым, што напярэдадні акупацыі нямецкімі войскамі Гомеля для барацьбы ў тыле ворага тут было пакінута некалькі разведвальна-дыверсійных груп. Адно такіх груп у ліпені 1941 г. укамплектаваў супрацоўнік УНКДБ Гомельскай вобласці лейтэнант дзяржбяспекі Мікалай Міхайлавіч Гарохаў. Узначаліў гэтую групу Канстанцін Мікалаевіч Сакалоў (1906 г. н., ураджэнец Кіева, адукацыя

вышэйшая), які працаваў галоўным інжынерам гсмельскага завода "Дэзапаратура". Яго прызначэнне сведчыла аб станоўчым стаўленні да яго з боку супрацоўнікаў УНКДБ, нават нягледзячы на тое, што раней ён прыцягваўся да крымінальнай адказнасці. У дыверсійную трупу Сакалова першапачаткова былі ўключаны тры чалавекі: А. І. Шарыхін (1892 г. н.), А. Скарына (Скарынок) (1913 г. н.), Р. Ф. Крупадзёраў (1923 г. н.). Перад групай Сакалова была пастаўлена задача займацца дыверсіямі на чыгуначным транспарце, праводзіць разведвальную дзейнасць і ажыццяўляць фізічнае знішчэнне асоб, якія актыўна дапамагалі гітлераўцам. Да вясны 1942 г. труп папоўнілася шэрагам патрыятычна настроеных жыхароў Гомеля, якія працавалі на розных прадпрыемствах, у тым ліку на паравозавагоннарамонтным заводзе. У склад групы быў залічаны і У. Глушакоў.

У пачатку лета 1942 г. кіраўнік групы К. М. Сакалоў быў арыштаваны "Абвергрупай-315" і пасля допытаў даў згоду на супрацоўніцтва з гітлераўцамі. Пры гэтым ён выдаў увесь склад групы. У далейшым К. М. Сакалоў стаў супрацоўніцаць таксама з гомельскім СД і, паводле шматлікіх паказанняў сведкаў, з'яўляўся адным з жорсткіх следчых, прымаў актыўны ўдзел у катаваннях і расстрэлах падпольшчыкаў. Сваю дзейнасць працягваў да канца вайны, пасля яе заканчэння апынуўся ў амерыканскай зоне акупацыі і быў рэпатрыяваны ў савецкую зону акупацыі. Знаходзячыся ў зборна-перасыльным пункце г. Будапешта, ён паведаміў прадстаўнікам органаў дзяржаўнай бяспекі СССР, што з'яўляецца агентам савецкіх спецслужбаў, і напісаў дакладную запіску аб сваёй дзейнасці ў Гомелі падчас акупацыі. Пакуль ішла праверка гэтай інфармацыі. Сакалову ўдалося ўцячы са зборнага пункта. Далейшы яго лёс невядомы.

У сваіх паказаннях К. М.

Сакалоў пісаў, што ў яго групу ўваходзілі таксама Алейнікаў і француз Таран Оранцуа. Першы з іх захоўваў у сваім доме радыёстанцыю, а другі з'яўляўся радыстам. Іх адрасы і паролі сувязі Сакалоў атрымаў ад Гарохава. Таксама ён заяўляў, што Гарохаў даручаў яму ўмацоўваць сваю групу і пры зручным выпадку ўвайсці ў разведвальныя органы нацысцкай Германіі.

У выкананне пастаўленых задач Сакалоў, як вынікае з яго тлумачэнняў, прыцягнуў у сваю групу Мурашку Аляксея Фёдаравіча, з якім быў знаёмы па сумеснай рабоце на заводзе "Дэзапаратура"; Кавалёва Івана, былога сакратара партарганізацыі мехцэха завода імя Кірава, быццам пакінутага ў тыле ворага для падпольнай працы і страціўшата сувязь са сваёй групай; **Глушакова Уладзіміра Максімавіча**, які працаваў на паравозавагоннарамонтным заводзе, а таксама членаў сям'і Кавалёва і сваіх родзічаў па жонцы — Абросімавых.

Пасля заняцця Гомеля немцамі Сакалоў спачатку працаваў машыністам на чыгуначнай вадакачцы, а ў студзені 1942 г. перайшоў працаваць такелажнікам на паравозавагоннарамонтны завод. Члены групы арганізавалі на гэтых аб'ектах асобныя дыверсіі, займаліся зборам зброі і ўзрыўчаткі, правядзеннем антыфашысцкай прапаганды. У сваіх тлумачэннях Сакалоў адзначаў, што 17-18 лютага 1942 г. член яго групы Кавалёў правёў узрыў чыгуначнага палатна, 20-21 лютага Кавалёў разам са Скарынам падарвалі чыгуначны пуць паміж станцыяй Гомель і мостам цераз р. Сож, у сакавіку 1942 г. ён разам з Кавалёвым і Скарынам здзейсніў падрыў чыгуначнага палатна на сартавальнай пляцоўцы каля Палескага пераезда, праз некалькі дзён Кавалёў падарваў чыгуначны шлях на станцыі Злынка, а 15-16 красавіка 1942 г. Сакалоў і Скарына здзейснілі дыверсію на шашы Добруш – Злынка.

Данья аб тым, што ў групу Сакалова ўваходзілі Скарына, Кавалёў, Мурашка і Глушакоў, пацвярджаюцца паказаннямі Мурашкі, Глушакова і афіцыйных асоб нямецка-фашысцкага контрразведвальнага органа "Абвергрупа-315" В. Крахта і К. Гартмана.

Паводле сведчанняў Сакалова і Мурашкі, яны разам са Скарынам з мэтай устанаўлення сувязі з партызанамі і забеспячэння бяспекі родных на выпадак правалу групы выехалі вясной 1942 г. у г. Новазыбкаў, дзе ўладкаваліся на працу па аднаўленні аднаго з заводаў.

У пачатку лета 1942 г. Сакалоў і Мурашка былі арыштаваныя ў Новазыбкаве супрацоўнікамі "Абвергрупы-315" і дастаўлены ў Гомель. Тут ім была арганізавана вочная сустрэча з У. М. Глушаковым, які быў арыштаваны некалькі раней, у чэрвені 1942 г. Інфармацыю аб далейшым развіцці падзей мы атрымліваем з пратаколу допыту У. М. Глушакова следчым НКДБ СССР старшым лейтэнантам дзяржбяспекі Сарокіным ад 24 студзеня 1944 г. Працыгуем тэты пратакол;

"Вопрос: Расскажите о связи с немецкой разведкой и своей практической преступной работе.

Ответ: Началу установления связи с немецкой разведкой и моей практической преступной работы предшествовали следующие обстоятельства. Проживая в г. Гомеле, в ноябре месяце 1941 г. я встретился на рынке со своим старым знакомым бывшим работником политотдела Белорусских железных дорог — Алейниковым Василием Николаевичем", с которым беседовал по вопросам международного положения. После этого я с ним встречался еще несколько раз в моем доме, у него на квартире. В первых числах января 1942 г. встретившись с

Алейниковым, он мне сказал, что здесь в г. Гомель проживает некий Соколов Константин Николаевич - бывший, кажется, инженер завода "Пролетарий" города Гомеля, оставленный в тылу врага органами НКВД и обкома ВКП(б) для проведения диверсионной работы. Одновременно Алейников сделал мне предложение принять участие вместе с ним в диверсионной работе. Я согласился, после чего Алейников через несколько дней познакомил меня с Соколовым К. Н. и Мурашко Алексеем, отчество не знаю, в прошлом работавшим где-то техником. Знакомство с Соколовым и Мурашко произошло на рынке г. Гомеля. После того, как познакомились, беседовали около 2-х часов, прохаживаясь по улицам г. Гомеля. Соколов подтвердил слова Алейникова и рассказал, что он действительно оставлен в тылу врага для проведения диверсионной работы, остановился на задачах, что мы должны делать, в частности он сказал, чтобы я, как рабочий завода, организовал диверсионную группу из числа близко знакомых людей. Выполняя задания Соколова, я на заводе организовал диверсионную группу из числа рабочих в количестве 15 человек, в которую персонально вошли: Пивоваров Николай, Бегунов Михаил, Ясинский Владимир, Киржанов Григорий, Путейко Иван, Майков Петр, Яков — фамилии не помню, Ковалев Иван. Фамилии других запомнил, постараюсь вспомнить и показать о них на следующем допросе. О каждом участнике диверсионной группы я давал отчет Соколову, который приходил ко мне в цех, беседовал со мною о предстоящей диверсионной работе и чтобы я как руководитель группы соблюдал конспирацию. Он же иногда устно мне передавал сообщения Сов. информбюро о победах Красной Армии и поражении немецких частей, которые, по совету Соколова,

передавались мною участникам группы.

В начале мая 1942 г. Соколов и Мурашко пришли ко мне на квартиру и принесли мне на хранение 10 толовых шашек с капсулами, пистолет, нерусской марки, 45 патронов. Тут же Соколов сказал, что они переезжают в г. Новозыбков для работы строительного монтажного цеха восстанавливающейся спичечной фабрики "Волна революции". Меня предупредил, чтобы я был готовым к переезду к ним в качестве шофера. Далее Соколов сказал, что там, в гор. Новозыбкове, легче будет связаться с партизанами. Более месяца с Соколовым я не встречался. **19 июня 1942 года я был арестован немецкой контрразведкой и заключен под стражу в тюрьму гор. Гомеля.** 20 июня 1942 г., т. е. на другой день после ареста, я был вызван на допрос к зондерфюреру **Крахт Вилли**, который потребовал от меня показаний об оружии, толовых шашках и диверсионной группе на заводе "ПВРЗ". Показаний по указанным вопросам я не дал. Крахт несколько раз ударил меня резиновой палкой и отправил в камеру. Спустя час я снова был вызван на допрос к Крахту, в комнате которого находились Соколов и Мурашко. Крахт задал мне те же самые вопросы, что и задавал на первом допросе. Я сначала ответил отрицательно, но потом Соколов встал и сказал в моем присутствии, что я являюсь начальником диверсионной группы на заводе, созданной по его заданию, что пистолет и тол находятся у меня под дровами в сарае родителей. Я был вынужден под ударами Соколова признаться, что я действительно являюсь начальником диверсионной группы, созданной по его заданию, и что тол и пистолет находятся у меня под дровами в сарае. После моего признания я был отправлен в камеру, где находился примерно полчаса, а

затем вновь был вызван, посажен в автомашину, на которой возили меня на мою квартиру по изъятию тола и оружия. После изъятия у меня тола и оружия возвратились обратно и я был отправлен в камеру, где находился без дальнейшего следствия 36 суток. На тридцать седьмые сутки начальник караула Сковпин Николай вывел меня во двор тюрьмы, где находился зондерфюрер Крахт, два немецких солдата с автоматами и один гражданский, русский по национальности. В моем приближении к названным лицам Крахт подошел ко мне, а солдаты встали со скамьи и зарядили автоматы. Я сильно перепугался, думая, что меня расстреляют, а Крахт в этот момент спросил меня, знаю ли я Валу. Я ответил: "Знаю. Около меня живут две Вали, Анищенко и Плеханова". После этого Крахт спросил, кто ночевал у меня из гор. Минска. Я дал отрицательный ответ. Далее Крахт сказал мне, чтобы я шел домой. Я этому не поверил и стоял на месте, тогда Крахт взял меня за рукав и повел в караульное помещение, где Крахт расписался за мое освобождение. С перепугу я заболел и с приходом домой пролежал 15 дней. На 4-5 день моей болезни ко мне домой приезжал Крахт, но узнав от матери, что я больной, ушел. После выздоровления, т. е. в первой половине августа месяца 1942 г. ко мне на квартиру пришел тот самый гражданский человек, который присутствовал при моем освобождении и сказал, чтобы я с ним пошел, куда не сказал. Названный человек, как стало мне известно впоследствии, оказался Борисовым Константином Васильевичем, работавшим агентом немецких контрразведывательных органов — "Абвергруппа-315". Последний привел меня на одну из конспиративных квартир "Абвергруппы-315" по

Советской ул., дом 79, где к тому моменту был Крахт и зондерфюрер Гартман Крахт, расспросив биографические данные, сказал мне о том, что я стоял одной ногой в могиле, а Гартман дополнил Крахта и заявил: "На могиле вы стояли не одной, а двумя ногами. Но мы не НКВД, людей не расстреливаем". После этого Крахт заявил мне о том, что я буду работать на них и тут же отправил домой. Через неделю ко мне пришел Борисов К. В. и принес удостоверение, в котором было написано, что я являюсь работником немецкой воинской части, которому должны оказывать помощь другие воинские части и гражданские организации. В случае задержания меня справляться в штабе дивизии 1-СП. Вскоре после этого жандарм по прозвищу "Малай", являющийся агентом "Абвергруппы-315" привел мне лошадь и сказал, чтобы я за нею ухаживал. Лошадь у меня находилась до конца декабря 1942 года. За период с августа по декабрь 1942 г. я выполнял отдельные задания "Абвергруппы-315", как то: ходил на рынок и по приметам устанавливал нужных людей разыскивал ракетчиков.

3 начале января м-ца 1943 г. меня вызвал Гартман конспиративную квартиру по ул. Сталина, дом 9 и заявил мне о том, что я должен опять работать: своею диверсионной группой, которая мною была создана на заводе. Выполняя задание Гартмана, - встретился с Пивозаровым Николаем — рабочим завода, которому поручил сообщить всем участникам, что группа будет продолжать свою диверсионную работу, что начальником этой группы остается — Глушаков. С Пивозаровым я встречался неоднократно на своей и его квартирах. Последний передал мне, что диверсионная группа сохранилась в одном составе за исключением ранее арестованных 4-х человек. В этом же

месяце, т. е. январе 1943 года я получил от Гартмана 5 советских листов, которые по установке Гартмана в целях провокации мною были переданы Пивозарову для распространения среди участников диверсионной группы. Листовки, как мне сообщил Пивозаров, были распространены. Содержание листов сводилось к перечислению побед Красной Армии и поражению немецких войск на восточном фронте.

В феврале месяце 1943 г. Гартман вызвал меня в дом. коммуны по ул. Комсомольской, где и сказал мне чтобы я пригласил к себе на квартиру участников своей диверсионной группы для проведения с ними собрания, что мною и было сделано. Ко мне пришли Пивозаров Николай, Мойков Петр, Яков ф/н (прозвища не памятаю. — А. Л.) и четвертый, фамилии не знаю. Дополняю. что предложением для сбора участников группы от Гартмана мною была получена легенда в письменном виде, содержание которой сводилось к тому, что на данном собрании будет присутствовать представитель партизанского отряда из Бобруйска или Жлобина, точно не помню. Записка с легендой мною была передана Пивозарову, на основе чего он собрал участников. Как только собрались названные мною 4-е человека, через полчаса пришел агент "Абвергруппы-315" Тихонов, имя и отчество не помню, который выдал себя за представителя партизанского отряда и беседовал с участниками о победах Красной Армии, поражении немецких войск, задачах диверсионной группы.

Часов в семь вечера того же дня, в момент происшедшего собрания, в мою квартиру пришел Гартман и несколько немецких солдат. Все присутствовавшие были арестованы, причем четверо рабочих завода были посажены в одну машину,

я и Тихонов - в другую (я с Тихоновым были арестованы для видимости, были из тюрьмы освобождены через полчаса), а о судьбе четверых мне ничего не известно. От начальника караула Диль Андрея слышал, что они якобы были этапированы из Гомеля в Бобруйск, какую-то школу. Вскоре после данного ареста были арестованы другие участники группы с завода: Ковалев Николай, Юсупов Василий, Григорий — ф/н, Николай — ф/н и др. В количестве восьми человек. Фамилии постараюсь вспомнить...

Матэрыялы следчай справы на У. М. Глушакова сведчаць аб яго актыўнай здрадніцкай дзейнасці і ў далейшым. Так, у прыгаворы па яго справе пазначана: "...Работая агентом немецкой контрразведки ГЛУШАКОВ, используя метод провокации, создавал подпольные группы для борьбы с оккупантами, вербуя в них советских патриотов, а затем выдавал их оккупантам.

Таким методом он организовал группу из рабочих гор. Гомеля, работавших на паровозоагонном ремонтном заводе и по его доносу, в феврале 1943 года, на этом заводе было арестовано 60 человек рабочих, часть из этих рабочих немцами была расстреляна.

В марте 1943 года ГЛУШАКОВ вместе с агентом немецкой контрразведки Третьяковской по заданию немецкой контрразведки, путём провокации выдали оккупантам 24-х человек советских граждан гор. Добруша, которые впоследствии были арестованы немцами, некоторые из них были заключены в лагерь, а Руденок и Огрызко были расстреляны.

В апреле 1943 года ГЛУШАКОВ вместе с Третьяковской по заданию немецкой контрразведки выезжали в гор. Климов Орловской области и проводили разведывательную работу по выявлению партизан и граждан, настроенных враждебно против

оккупантов.

ГЛУШАКОВ выполняя шпионско-предательскую работу в гор. Климове в августе 1943 года, по заданию немецкой контрразведки, вступил в партизанский отряд и во время изгнания оккупантов с территории Орловской области остался в тылу Красной Армии для разведывательной работы в пользу германской разведки..."

З 24 асобаў, прозвішчы якіх былі выяўленыя на сценах **камеры № 5** (корпуса № 2), звесткі пакуль удалося знайсці толькі аб **Антоне Лявонцэвічу Барэйшу**, актыўным удзельніку Гомельскага патрыятычнага падполля, члену падпольнай групы В. С. Сідарука, якая праводзіла падпольную работу на чыгуначным вузле.

Васіль Сазіч Сідарук нарадзіўся ў 1909 г. у Баранавічах у сям'і чыгуначніка. Член ВКП(б) з 1930 г. Закончыў няпоўную сярэднюю школу ў Гомелі, у 1935 г. — Ленінградскі аўтамабільна-дарожны інстытут, быў накіраваны па размеркаванні выкладчыкам у Гомельскі аўтамабільны тэхнікум. З 1938 г. працаваў дырэктарам тэхнікума. У пачатку вайны быў прызваны ў Чырвоную армію, удзельнічаў у абарончых баях, у раёне Кіева трапіў у акружэнне. Здолеў прабрацца ў Гомель, дзе стаў шукаць сувязі з асобамі, пакінутымі ў горадзе для падпольнай работы. У матэрыялах Камісіі па прызнанні дзейнасці Гомельскага падполля прыведзена наступная інфармацыя аб В. С. Сідаруку: "Он устроился на работу слесарем на электротехнический завод, который обслуживал главным образом нужды железнодорожного узла. К маю 1942 года он создал подпольную группу в составе коммуниста А.Л. Борейши, беспартийного рабочего Н. П. Бохана и других. Первым практическим делом участников группы было составление и распространение листовок,

призывавших к борьбе с захватчиками. По указанию В. С. Сидорука рабочие стали саботировать распоряжения оккупантов, систематически портить оборудование, выводить из строя семафоры, развинчивать болты у стыков рельсов и стрелок, всячески нарушать работу путевого хозяйства железнодорожного узла.

В сентябре 1942 года В. С. Сидорук и его товарищи подорвали поворотный круг на участке Гомель — Хозяйственный — Гомель. Вскоре группа установила связь с партизанами. С этого времени особое значение приобрела разведывательная деятельность патриотов. Подпольщики собирали подробные сведения о скоплении техники и войск на железнодорожном узле, расположении воинских частей в городе, доставляли эти данные партизанам. Весной 1943 года гитлеровцы схватили В. С. Сидорука и А. Л. Борейшу. После длительных пыток они были расстреляны".

Член группы М. П. Бохан три месяца утрымліваўся ў турме, а затым быў пераведзены ў канцэнтрацыйны лагер, адкуль яму ўдалося збегчы. У сваіх успамінах. што захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, М. П. Бохан раскрывае некаторыя падрабязнасці правалу іх групы: "В мае 1943 года, когда я пришел на завод на работу, Сидорука на месте не оказалось. По окончанию работы я пошел к Сидоруку на квартиру узнать, почему он не вышел на работу. Тут я узнал, что его арестовала полиция. Спустя несколько дней, в мае 1943 года прямо на заводе арестовали меня и Антона Борейшу. Когда нас арестовывали, в карманах у меня и Борейши были советские листовки. Чтобы избавиться от них, Борейша попросился у конвоиров в туалет, а вслед за ним и я. Незаметным образом я выбросил листовку в яму уборной..."

После этого нас привезли в тюрьму, где тщательно обыскали, но ничего не нашли и посадили в камеры. Арестовывали нас агенты ГМ, так называемая немецкая карательная организация, которая ведала борьбой с подпольщиками и партизанами. Там же находилась жандармерия и СД. В ГМ нас часто водили на допросы. При допросах сильно избивали. На одном из допросов, когда мы сидели на скамейке, Я, Борейша и Сидорук. Сидорук тихо нам шепнул: "Нас выдали". Кто выдал и когда он сказать не успел, т. к. конвойные все время за нами следили и запрещали говорить друг с другом. В тюрьме я просидел три месяца, после чего меня направили в концентрационный лагерь, который находился на Советской улице, близ еврейского кладбища... В конце октября 1943 г. меня повели из лагеря на работу по расчистке конюшен около Рогачевского рынка. Улучив момент, я убежал и скрывался в Гомеле в разных местах. Позднее я узнал, что Сидорука и Борейшу немцы перед уходом из Гомеля расстреляли в тюрьме..."

У архіве захоўваюцца таксама ўспаміны Марыі Герасімаўны Барэйшы, жонкі А. Л. Барэйшы: "После успешной бомбежки нашей авиации были арестованы немцами в конце марта 1943 г. мой муж Барейша А. Л., Сидорук, Бохан. Остальных 5 человек фамилии я не знаю. Бохана Николая держали вместе с ними до конца следствия, потом отправили в рабочий лагерь, из которого он убежал впоследствии. Моего мужа и Сидорука всё время до последнего дня никуда не отпускали, только водили на допросы. При допросах страшно издевались и били: я получала его грязное белье, оно всегда было в крови от сильных побоев... 26.IX.43 г. я еще передала передачу мужу, а 27.IX.43 г. когда я утром принесла передачу опять, то мне ее через некоторое время вернули назад и

сказали, что такого уже нет. Когда я стала добиваться, где он, то мне с трудом удалось узнать у начальника караула, что их расстреляли вчера в 10 часов вечера...”.

У **камеры № 3** (корпуса № 2) выяўлены наступны надпіс: **"Яночкин"**. Яго пакінуў **Цімафей Пятровіч Яначкін**, вытрымка з успамінаў якога апублікавана ў хроніцы "Памяць": *"...Тюремные условия не поддаются никакому описанию. Питание было чрезвычайно скверное. В день давали 200 грамм хлеба-суррогата (из ячменных шароек и желудей) и миску супа, который состоял из воды и ложки гречневых шароек, совершенно несоленый суп. Суп этот выдавался далеко не каждый день. На прогулку людей из камер не выпускали. Только в уборную два раза в день на 5 минут. Многие заключенные сидели по несколько месяцев (6—8) без следствия и представляли из себя ходящие тени, на которых было страшно смотреть..."*.

Невядома, хто пакінуў наступны надпіс у **камеры № 18** (корпуса № 1): **"Ивановы Иван, Михаил, Валентина, Анна** расстреляны 25 октября 1943 г. — суббота". Хутчэй за ўсё, тэта быў хтосьці з іх сакамернікаў.

Можна меркаваць, што менавіта аб гэтых Ивановых ёсць звесткі ў другой кнізе хронікі "Памяць" г. Гомеля, дзе ў спісе загінулых мірных жыхароў, ахвяр фа-шысцкага тэрору пазначаны:

"Иванова Валянціна Рыгораўна, н. у 1922, расстреляна ў 1943.

Иванова Вольта Мікалаеўна, н. у 1906.

Иванова Ганна Раманаўна, н. у 1900, расстреляна ў 1943.

Иваноў Іван Рыгоравіч, н. у 1920, расстреляны ў 1943.

Иваноў Мікалай Сяргеевіч, н. у 1881, закатаваны ў 1942.

Иваноў Мірон Рыгоравіч, н. у 1925, расстреляны ў 1943.

Иваноў Рыгор Лаўрэнцьевіч, н. у 1899, расстреляны ў 1943.

У прыведзеным намі спісе не пазначаны Міхаіл Иваноў. Магчыма, ён пражываў не ў Гомелі, а ў адным з населеных пунктаў Гомельскай вобласці і з'яўляўся сваяком сям'і Ивановых. У 1944 г. наглядчык турмы - Лазбехін у сваіх паказаннях называў прозвішча Иванова, закатаванага ў ліку іншых вязняў у яме на тэрыторыі турмы 25 верасня 1943 г., адзначаючы пры гэтым, што гэтыя вязні паходзілі не з Гомеля, а з прылеглых да яго раёнаў.

У напаяўразбураных камерах былога **жаночага корпуса турмы** выяўлены наступны надпіс: **"Лебедев Павел**, г. Гомель, Подгорная, 19, взяли на расстрел 24 сентября 1943 г., передайте Лебедевой Люсе". На запыт М. Нікольскага з Гомеля 17 красавіка 1945 г. прыйшоў адказ за подпісамі начальніка 2-га аддзела УНКДБ Гомельскай вобласці маёра Лукельева, начальніка 8-га аддзялення 2-га аддзела УНКДБ ст. лейтэнанта Варонкіна: *"На Ваш запрос № 30/1082 от 26.11.1945 г. сообщаем, что проверяемый Вами Лебедев Павел на жительстве в г. Гомель не установлен, так как дом № 19 по ул. Подгорной сожжен, а из жителей, знающих Лебедева никого нет."*

Больш інфармацыі аб Паўлу Лебедзеве намі не выяўлена, за выключэннем звестак у другой кнізе "Памяць" г. Гомеля. У спісе загінулых мірных жыхароў г. Гомеля, ахвяр фашысцкага тэрору пазначаны *"Лебедзеў Павел Кузьміч*, н. у 1923, расстреляны ў 1942". Кім быў гэты П. Лебедзеў і як склаўся яго лёс сказаць пакуль немагчыма.

У тым жа корпусе выяўлены таксама наступны надпіс: *"г. Добруш, ул. Гомельская, дом 11 Гаврилюченко Петр сидел с 23 августа 1943 г, 25 сентября 1943 г. расстрелян (Гомельская область)".* Гэтага чалавека таксама спрабавалі адшукаць органы

НКУС. Так, у лісце Нікольскага начальніку УНКДБ Гомельскай вобласці палкоўніку дзяржбяспекі Фукіну ад 17 мая 1945 г. напісана: *"Проверкой установлено, что по адресу: г. Добруш, по ул. К. Маркса (при немцах Гомельская) д. 11 в период немецкой оккупации проживал Гаврилюшенко Петр Андреевич, 1925 г. р., уроженец Злынка Брянской области. В 1943 году Гаврилюшенко поступил на службу в немецкую полицию, но в августе того же года полицией был арестован за сочувствие партизанам и по непроверенным данным был, якобы, угнан немцами вглубь Германии. В г. Добруш проживает отец Гаврилюшенко Андрей Кондратьевич и сестра Матрена Андреевна, которым о месте Гаврилюшенко П. А. ничего не известно. Два брата его служат в Красной Армии. Ориентируя Вас об изложенном, просим в случае появления Гаврилюшенко в Гомельскую область установить за ним агентурное наблюдение, имея ввиду возможность заброски Гаврилюшенко П. А. немецкой разведкой на советскую территорию"*.

Як склаўся лёс П. А. Гаўрылюшчанкі, нам невядома. Аднак з прыведзенага вышэй дакумента бачна, што ведамства М. І. Нікольскага рассылала арыенцёрўкі на пэўных асобаў наваг праз паўтара года пасля вызвалення Гомеля.

Сярод надпісаў на сцяне ў напаяўразбураных камерах былога жаночага корпуса ёсць і такі: *"Алма-Ата, Каз. ССР, Пушкинская, 25 — Еришов Дмитрий Андреевич, расстрелян"*. У лістападзе 2013 г., амаль праз паўгода пасля названай вышэй публікацыі ў газеце "Гомельская праўда", дырэктар Гомельскага абласнога музея вайскавай славы П. Л. Ждановіч пераслаў мне ліст, атрыманы ад жыхара г. Ніжні Ноўгарад А. Д. Яршова. Гэты чалавек на працягу 70 гадоў шукае магілу свайго бацькі, які, паводле некаторых звестак, загінуў у

Дулагу № 121 ў Гомелі.

У сваім лісце А. Д. Яршоў расказаў пра бацьку, Дзмітрыя Андрэевіча Яршова (1908 г. н.), які паходзіў з с. Канстанцінаўка Алма-Ацінскай вобл. Казахстанская ССР. У ліпені 1941 г. быў прызваны ў Чырвоную армію, служыў у званні старшага сяржанта, займаў пасаду хімінструктара ў 425-м асобным сапёрным батальёне 413-й стралковай дывізіі. У канцы 1942 г. яго сям'я атрымала інфармацыю, што Д. А. Яршоў знік без вестак 19 лістапада 1941 г. У 1946 г. на адрас г. Алма-Ата, вул. Пушкінская, 25 прыйшоў ліст ад незнаёмага Яршовым П. М. Васільева, які паведаміў, што знаходзіўся разам з Д. А. Яршовым у лагеры для ваеннапалонных у Гомелі. Пазней, падчас асабістай сустрэчы, П. М. Васільеў расказаў, што восенню 1943 г. Д. А. Яршоў разам з яшчэ адным мужчынам здолелі ўцячы з лагера, аднак былі адшуканыя і расстраляныя. Разам з імі былі расстраляныя мірныя жыхары стары і маладая дзяўчына, якія хавалі збеглых вязняў у сваім доме і спрабавалі пераправіць іх да партызанаў. А. Д. Яршоў піша, што ў 1987 г. падчас наведвання краязнаўчага музея г. Гомеля бачыў на першым паверсе музея ў экспазіцыі "Гомель у гады вайны" фотаздымкі старога і дзяўчыны, якія, паводле інфармацыі пад здымкам, былі расстраляныя восенню 1943 г. за сувязь з партызанамі. На жаль, у той час ён не запісаў прозвішчы гэтых людзей. Сёння ён мяркуе, што гэтыя асобы маглі мець дачыненне да яго бацькі.

Найбольш поўная інфармацыя аб апошніх днях Гомельскай турмы ўтрымліваецца ў матэрыялах допыту следчым упраўлення контрразведкі "СМЕРШ" Беларускага фронту капітанам Багамазавым наглядчыка Гомельскай турмы А. І. Лазбекіна ад 10 студзеня 1944 г. У іх ёсць інфармацыя, што 26 верасня 1943 г. былі расстраляныя апошнія вязні турмы і

турма спыніла сваё існаванне. Аднак у гэтай сувязі ўзнікае пытанне аб верагоднасці прыведзенай інфармацыі, паколькі г. Гомель быў вызвалены ад акупацыі толькі праз два месяцы, 26 лістапада 1943 г. Малаверагодна, каб турма перастала існаваць за два месяцы да адыходу гітлераўскіх войскаў. Відавочна, што гісторыя Гомельскай турмы перыяду нацысцкай акупацыі патрабуе далейшага даследавання.

Пошук звестак аб людзях, чые імёны і прозвішчы былі напісаныя на сценах Гомельскай турмы падчас нацысцкай акупацыі, працягваецца. Аўтар будзе ўдзячны ўсім чытачам за любоўную інфармацыю.

1. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (далей — ДАРФ). Ф. 9413, воп. 1, спр. 67, арк. 269.
2. Там жа. Спр. 53, арк. 2.
3. Падлічана аўтарам па: Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941—1944 / Авт.-сост. В.И.Адамушкоидр.; науч. ред. Р.П.Платонов, В.И.Адамушко. Мн., 2001.
4. ДАРФ. Ф. 9413, воп. 1, спр. 52, арк. 92—97.
5. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941—1944. С. 29; Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (далей — ДАГВ). Ф. 1345, воп. 1, спр. 9, арк. 4, 6—8, 49—56, 80, 93, 97, 157, 159, 163—167, 174, 214.
6. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. У 2 кн. Кн. 1. Мн., 1998. С. 586.
7. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. У 2 кн. Кн. 2. Мн., 1999. С. 57.
8. Подвиг непокоренных // Советская Белоруссия. 1973, 22 июня. С. 3.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей — НАРБ). Ф. 1392. воп. 1, спр. 13, арк. 121.
10. Там жа. Спр. 19, арк. 46—48. Ліст у Гомельскі ГК КПБ І.К.Фёдарова.
11. Там жа. Спр. 13, арк. 122, 125.
12. Там жа. Арк. 122.
13. Там жа.
14. ДАГВ. Ф. 1345, воп. 1, спр. 9, арк. 138—141; Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. Кн. 1. С. 554
15. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. Кн. 1. С. 598.
16. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. Кн. 2. С. 61.
17. Соловьев А.К. Они действовали под разными псевдонимами. Мн., 1994. 189—190.
18. Щит и меч Отечества / под ред. В.И.Дементя. Мн., 2006. С. 144
19. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Веткаўскага раёна. У 2 кн. Кн. 2. Мн., 1998. С. 106.
20. Там жа. С. 242.
21. ДАГВ. Ф. 1345, воп. 1, спр. 2, арк. 19—19 адв.
22. ДАРФ. Ф. 9413, воп. 1, спр. 65, арк. 18.
23. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Чачэрскага раёна. Мн., 2000. С. 307.
24. Там жа. С. 430—432.
25. Там жа. С. 600.
26. Там жа. С. 307.
27. Запіс тэлефоннай размовы з Г.Я.Піляк ад 2 мая 2013 г. Архіў аўтара.
28. ДАРФ. Ф. 9413. воп. 1, спр. 64, арк. 106—107.
29. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Чачэрскага раёна. С. 305.
30. Там жа. С. 591.
31. Там жа. С. 430.
32. НАРБ. Ф. 1392. воп. 1, спр. 11,

- арк. 1 — 11.
33. Там жа. Спр. 9, арк. 1—8.
34. Там жа. Ф. 1345, воп. 1, спр. 11, арк. 21—22.
35. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. Кн. 1. С. 587.
36. Подвиг непокоренных // Советская Белоруссия. 1973, 22 июня. С. 2.
37. НАРБ. Ф. 1392, воп. 1, спр. 1, арк. 18; спр. 12, арк. 179.
38. Там жа. Спр. 12, арк. 181.
39. Там жа. Спр. 18, арк. 67—68.
40. ДАГВ. Ф. 1345, воп. 1, спр. 9, арк. 138, 141, 169, 171, 178, 312, 318. Апублікавана ў кнізе: Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. Кн. 1. С. 554.
41. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. Кн. 2. С. 65.
42. ДАГВ. Ф. 1345, воп. 1, спр. 2, арк. 19-20.
43. ДАРФ. Ф. 9413, воп. 1, спр. 52, арк. 145.
44. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. Кн. 2. С. 65.
45. ДАРФ. Ф. 9413, воп. 1, спр. 64, арк. 34.
46. ДАГВ, Ф. 1345, воп. 1, спр. 2, арк. 19—21 адв.

Аляксей ЛІТВІН

Літвін, А. Надпісы на сценах Гомельскай турмы перыяду нацысцкай акупацыі Беларусі: расакрэчаныя звесткі НКУС СССР / Аляксей Літвін // Беларускі гістарычны часопіс. — 2014. — № 1. — С. 5-18.